

Ш. Кумисбайулы

Жанибек Улакшакулы

АРУНА
КӨНӨКӨТӨС

ББК 63.3 (5 каз)
К 90

Рекомендовано Министерством образования и науки
Республики Казахстан

Издание выпущено по программе Министерства
культуры, информации и спорта Республики Казахстан

Кумисбайулы Ш.

К 90 Жанибек Шакшакулы. История, личность, время. – Алматы.
«Аруна», 2005. – 96 с. – Серия «Знаменитые люди Востока».

ISBN 9965-26-062-1

«Жанибек Шакшакулы» – красочно иллюстрированная книга для детей и взрослых на казахском и русском языках, которая доступно повествует о войне между казахами и джунгарами, длившейся в течение одного века. Именно в такое время жил славный батыр и оратор Жанибек, проявивший смелость и беспримерную отвагу в период казахско-калмыцкой войны. В памяти народа остались его меткие изречения.

К $\frac{0503020905}{00(05)-05}$

ББК 63.3 (5каз)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Аруна».

ISBN 9965-26-062-1

© ТОО «Аруна Ltd.», 2005

Содержание

Батыр Жанибек Улакшакулы	4
Мальчик, получивший благословение	14
На курултае в Каракумах	25
Первое испытание	29
По возвращении в аул	34
Сартай и тысяча отважных мальчишек	38
Жанибек отдает свою лошадь	45
Пятьсот сарбазов из рода Жаппас	48
Как Байгозы стал батыром	51
Вещий сон	54
Щедрый подарок	57
Бегущему в страхе врагу и баба кажется батыром	60
Пять братьев Бармак	61
Признанный вождь народа	65
Признанный шешен	82
Послесловие	88

Батыр Жанибек Шакшакулы

Взрослые частенько шептались между собой: «Вот увидишь, выйдет толк из Жанибека. Быть ему настоящим батыром, достойный защитник растет. Или бием-краснобаем будет, ибо все это есть в его благородной крови. Тьфу, тьфу! Как бы не сглазить ненароком». И в этих словах была доля истины.

Предок Жанибека Шакшак слыл человеком незаурядным. Он был отважным батыром, его почитали как одного из видных биев рода Аргын Среднего Жуза. Уже с пяти лет он научился пользоваться луком и копьем, чем и вызывал одобрение взрослых. Говорят, в семнадцатилетнем возрасте Шакшак примкнул к Есим-хану (1598 – 1628 гг.).

В народе хана называли «Отважный Есим-великан». Батыр Шакшак вместе с воинами Есима участвовал в битвах и против ойратского тайчи, и против Бухарского хана, и Ташкентского эмира. Можно сказать, что Шакшак постоянно находился рядом с Есим-ханом во всех его боевых походах.

У казахов всегда было много врагов, ни дня не обходилось без барымты*.

Как-то казахским воинам необходимо было переправиться на противоположный берег Едила, чтобы внезапно напасть на стан врага. Когда, наконец, войско достигло берегов многоводной реки, коней вдруг охватил страх, они будто оцепенели, а люди остановились в замешательстве. Видя всеобщую растерянность, с боевым кличем «Аманжол!» шестнадцатилетний юнец на пятнистом стригунке бросается в воду. Войско следует его примеру. Застав врасплох врага, казахи одерживают желанную победу и становятся обладателями значительной добычи.

Позже выясняется, что тем смелым подростком был представитель третьего поколения династии Ермен из рода Аргын – юный воин по имени Шакшак. Боевым кличем было имя его отца – Аманжола.

Это был самый первый подвиг Шакшака. С юных лет он обладал и другими качествами: не раз проявлял себя искусным оратором, честно и справедливо разрешал различные споры и распри, возникавшие между людьми.

Известна у батыра и его родословная: от сына его предка Аргына (от младшей жены) – Аманжола рождаются Айдерке и Шакшак. От Шакшака – сыновья Бакай, Кошей, Дузей, Акназар, Есназар, Томай. А у Кошея и его жены калмычки рождаются шестеро сыновей: Умбетей, Аю, Кожамбет, Кошкар, Карабас, Тиней. В народе их называли шесть Кошкаров. От Кошкара на свет появляются Тыныбек, Турлыгул и Жанибек.

Рассказывают, как однажды только что сосватанную молодую жену Кошея, одного из сыновей Шакшака, крадет некий калмыцкий батыр и передает ее в дар своему контайчи. Оскорбленный неслыханным поступком в погоню за ней пускается младший брат Кошея – Дузей. Он находит жену старшего

*Барымта – набеги с целью угона скота.

брата, встречается с ней и говорит, что приехал забрать ее. Однако женщина оказалась намного мудрее, чем представлял ее деверь. Уповая на судьбу, она говорит: «Чему суждено быть, того не миновать», – и наотрез отказывается возвращаться домой. Но в то же время она помогает Дузею выкрасть младшую дочь контайчи по имени Карашаш. По возвращении домой эту девушку-калмычку Дузей отдает Кошею.

В печали и тоске по родным и близким молодая невестка замыкается в себе. Но проходят дни, месяцы, вскоре Карашаш замечает, что она ждет ребенка. У нее появляется прихоть поесть мяса кошкара, огромного барана с архарьими рогами из стада овец, принадлежавших Шакшаку. Желание ее было исполнено. Но и это не помогло развеять ее тоску и печаль по далекому родному очагу. Дважды Карашаш пытается бежать. В обоих случаях ее ловят и возвращают в аул. Пользуясь очередным отсутствием мужа Кошея, Карашаш бежит снова. К этому времени она была почти на сносях. Опять в погоню за ней пускается деверь Дузей, догоняет ее и, разъяренный столь дерзким поступком женщины, пытается запугать ее. Он выхватывает из-за пояса саблю, якобы намереваясь зарубить ее, и в гневе говорит:

– Не в первый, а в третий раз ты убегаешь. Мы не наказывали тебя, все прощали. Но ты стала бельмом на глазу. Совсем опозорила нас перед людьми. Лучше нам избавиться от тебя навсегда, так будет спокойнее. Лично я, а не кто-нибудь другой свел тебя с братом. А потому мне самому держать ответ за свои поступки.

Дерзко улыбаясь деверю в лицо, сноха говорит в ответ:

– Для меня самое лучшее – это смерть. Наконец-то, я успокоюсь. Но помни: вместе со мной вы лишитесь и ребенка, который когда-нибудь мог бы стать преданным и истинным защитником своего народа. Если ты убьешь меня сейчас, то этим я отомщу вам. А если посчастливится мне вернуться на родину, то, несомненно, я воспитаю из него злейшего вам врага, безжалостного мстителя. Как вы не можете понять, что в моем чреве зарождается настоящий богатырь, ведь у меня была тяга к мясу кошкара.

Выслушав это признание, Дузей успокаивается и, не говоря ни слова, приводит Карашаш домой. Но слова снохи передает отцу Шакшаку. Батыр Шакшак радуется этому известию. Он велит охранять сноху, создает ей хорошие условия. Вскоре с истечением срока девяти месяцев и девяти дней Карашаш рождает сына, его нарекают именем Кошкар. Вот от этого Кошкара на свет появляется богатырь Жанибек. Что интересно, когда у Карашаш в очередную беременность появилась прихоть поесть мяса буры по кличке Карабас, у нее рождается сын, которого нарекают именем Карабас, а с пристрастием к мясу медведя – сын по имени Аю.

Вспоминая об этих событиях, аульные аксакалы говорили: – Жанибек, когда ты был еще в утробе матери, твой дед Шакшак увидел вещий сон. Якобы во сне к нему явился сам бий Акжол. Он дал свое благословение и сказал: «У тебя родится внук. нареки его именем Жанибек». К тому же, у твоей матери будто бы появилась прихоть – поесть мяса черного буры. Твоему отцу Кошкару немало трудов стоило застрелить почти одичавшее строптивное животное, разжиревшее на подножном корму.

Говорят, двенадцатипалая стрела, прострелив грудь, вонзилась ему прямо в сердце. Затем он разрезал грудь верблюда, вынул сердце и принес твоей матери. Так и было на самом деле. А потому ты должен вырасти хорошим жигитом.

И, действительно, старики относились к Жанибеку трепетно, с почтением. Они не уставали повторять своим чадам:

– Смотрите, какой не по годам смышленный этот Жанибек! Не сглазить бы его ненароком!

На первый взгляд, Жанибек вроде бы ничем и не выделялся среди своих сверстников. Как и все мальчишки, ловко укрощал строптивных коней, умело подковывал их. Не было равных ему в борьбе. Никто из сверстников не мог устоять перед ним. Интересовался народными преданиями, легендами, мифами, сочинял стихи.

Личность складывается и проявляется уже в детские годы. В это время формируется характер, появляется тяга к знаниям, чему-либо хорошему. Детские впечатления, как яркие вспышки,

остаются в памяти человека на всю жизнь. А если так, то, кажется, нет ничего ценнее и прекраснее детства!

Особенно по душе Жанибеку были рассказы деда. Ему нравилось, как дедушка вкладывал в каждое сказанное им слово глубокий смысл, по памяти называл имена живших когда-то людей, тем самым привлекая внимание внука не только к известным историческим фактам, но и к малозначительным событиям.

По словам дедушки, казахи придавали огромное значение выбору имени ребенку. Желая ему достатка и богатства, к именам своих чад они присоединяли слова «бек» или «бай». Например, среди казахов немало имен Жумабай, Жылкыбай, Алтынбек и других. Тех, кто совершал подвиги, проявлял смелость, отвагу и героизм во благо народа, возводили в батыры, а отличившихся красноречием, справедливостью и мудростью называли бий.

У казахов существует традиция нарекать своих детей именами известных и почитаемых в народе людей, именно поэтому одним из распространенных имен является и Жанибек. Немало известных казахских исторических личностей носили это имя. Так, примерно за два века до Жанибека Шакшака жил Аз-Жанибек. Он являлся выходцем из династии Чингис хана, из знатного рода торе и относился к аристократам. Известно, что именно этот Жанибек вместе с ханом Кереем приложил немало усилий для возрождения казахского улуса, способствовал созданию Казахского государства. Об этом должен помнить каждый уважающий себя казах. Керей хан Болатулы и хан Жанибек Баракулы являются представителями ханского рода, и первый приходится правнуком, а второй – праправнуком Урус-хану, правившему Кок Ордой.

После Аз-Жанибека Жанибек Шакшак является наиболее известной и весьма почитаемой личностью. За благородные дела и поступки народ наделил его почетным званием Тархан. Год рождения его неизвестен. Он был сыном Кошкара – одного из шести сыновей Кошея Шакшака.

Во времена батыра Жанибека, то есть в эпоху ожесточенных столкновений между казахами и калмыками, здравствовали

еще три человека по имени Жанибек. Благодаря беспримерным подвигам этих деятелей их имена стали не только достоянием истории, но сохранились и в народной памяти.

Первый из них – султан Жанибек. Это родной зять хана Абулхаира. Он более известен своими дипломатическими миссиями в Петербург и к джунгарам, а также своими делами во благо казахского народа.

Второй Жанибек – из рода Божбан Среднего Жуза. В свое время он был наказан ханом Абылаем за неблаговидные поступки.

Следующей после них заметной фигурой считается Жанибек Керей, сын Бердаулета из рода Абак Керей с берегов Иртыша. По возрасту он младше остальных. Этот человек почитаем за отвагу и преданность своему народу. Он выделялся и незаурядным умом, мудростью. Наречение его именем Жанибек имеет своеобразную историю.

Бердаулет женился на дочери Каз дауысты Казыбека. И когда на свет появился его первенец, он послал гонцов к весьма уважаемому им Жанибеку Тархану, которого почитал как хана, и пригласил его к себе в гости. С почетом встретил высокого гостя, усадил на тор* и обратился к нему с просьбой:

– О, уважаемый Тархан, прошу вас наречь моего ребенка достойным именем и благословить его.

Увидев младенца, Жанибек Тархан несказанно обрадовался. В ответ он попросил присутствующих воздеть руки к небу.

– Пожалуй, я дам дитя свое имя.

Он прочитал азан*, трижды произнес имя ребенка. Затем благословил:

– Не позволяй чужим унижить свое имя, не останавливайся на полпути к своей цели!

Позже, когда батыр Жанибек достиг преклонного возраста, его названный сын, узнав, что старец наделяет своих сыновей наследством, преодолел немалый путь и появился перед крестным отцом с просьбой: «Дайте и мою долю».

Нельзя не удивляться, насколько глубокомысленны и благородны по своей сути казахские обычаи: они всегда содержат в себе некий скрытый смысл.

*Тор – почетное место.

*Азан – молитва.

Турлыгул

Тыныбек

Кожамбет

Жанибек

Кошкар

Аю

Карабас

Умбетей

Тиней

Акназар

Дузей

Есназар

Бакай

Кошей

Томай

Шакшак

Аманжол

Арғын

Батыр Жанибек уже поделил все свое состояние между родными детьми, и появление нареченного им сына привело его в некоторое замешательство. Чтобы преодолеть неловкость, в разговор вмешался младший сын Токтамыс – наследник отцовского очага:

– Хоть и загадками говорит наш гость, но чувствуется, не зря он гнал своего коня в такую даль. Негоже нам не поделиться с нашим младшим братом, раз он просит об этом. Как я понял, этот жигит приехал к нам не ради богатства. Отец, я думаю, ему вполне подойдут в качестве дара ваши доспехи и копье.

Жанибек Керей остался доволен таким решением. Старый батыр, оказав особое гостеприимство своему крестному сыну, благословил его:

*Ты выходец из Кереев,
Где немало краснобаев!
В достатке и врагов у тебя –
Не теряйся перед ними, будь дерзок!
Стань справедливым и мудрым,
Ибо еще немало споров в народе!
В битве с врагом жестоким
Оставайся целым и невредимым!
В смертельном поединке с противником
Не теряй ты отваги и смелости!*

Юношу с почестями провожают в обратный путь.

То ли благословение возымело действие, то ли что-то другое, но со временем Жанибек Керей действительно достиг немалых успехов в жизни. Стал широко известной, почитаемой в народе личностью, отличался благородными делами и поступками, советами и мудрыми решениями.

Мальчик, получивший благословение

Как-то ранней весной Шакшак подозвал четырнадцатилетнего правнука Жанибека, играющего поодаль, посадил его рядом с собой и в присутствии седобородых аксакалов степенно заговорил:

– Жеребеночек ты мой! Ты должен знать, что ребенок с криком появляется на свет, затем становится на ноги, делает первые неуверенные шаги, постепенно познает окружающий мир. И однажды он садится на коня, берет камчу в руки и выходит в большой мир. Но перед этим он должен получить благословение

старших. Затем он едет к родственникам по матери и получает басире. Этот обычай существует испокон веков и как наследство переходит от отца к сыну, а затем к внукам. Басире дарят ребенку в виде лошади или другого домашнего скота, его клеймят, подчеркивая, что это теперь его личная собственность. Помни это и старайся никогда не нарушать эту священную, почитаемую в народе традицию.

С тех пор Жанибек часто вспоминал слова своего прадеда и с нетерпением ждал, когда он отправится к нагаши.

Вскоре Шакшак созвал к себе близких, соседей и повторил свой наказ.

– Юный ты наш батыр! – начал он, ласково глядя на правнука. – Сегодня ты едешь к нагаши. Смотри, не оплошай. Не будь посмешищем для людей!

Жанибек покорно кивнул головой. Вместе с ним собрались ехать около десятка подростков из аула.

– Посылаю также Отебая и Жолая, чтобы присматривали за тобой. Будь разумным. Доброго тебе пути! – бормотал прадед, завершая свое напутствие, и, молитвенно воздев руки, провел ладонями по лицу. – Желаю тебе, чтобы басире оказался на удивление резвым да строптивым скакуном!

Так Жанибек с благословения родного прадеда Шакшака поехал в аул деда по матери – Уали Караби из рода Бектас Старшего жуза.

Вряд ли в этом мире найдется человек, который не любил бы своё дитя. Естественно, прежде всего ребенок близок матери. А если так, то почему ему должен быть чужим тот очаг, где на свет появилась и выросла его родная мать? Видимо, этим и объясняется рождение народной мудрости: «Родное окружение ребенка привередливо, родные по отцу строги, придирчивы, по матери – благожелательны, добродетельны и всепрощающи».

Уали Караби – отец матери – искренне обрадовался, весь расцвел в улыбке, услышав из уст Жанибека, что он правнук Шакшака и приехал повидать своего дедушку нагаши.

– Молодец, жигит! – растроганный старик крепко обнял и поцеловал внука в лоб.

В честь приезда Жанибека устроили шумный той. От прислуги он узнал, что его дед – самый богатый человек в округе, настоящий бай.

Действительно, это было так. Дед уже успел до его приезда определить и долю басире, причитающуюся родным внукам.

Как известно, состояние кочевника определяется количеством скота. Уали Караби был щедро одарен милостью покровителя лошадей – священным Камбар-ата: в его владении имелось до двух тысяч голов скота.

В его табунах выделялась своим весьма строптивым нором кобыла Тобышак, резвее которой не было в округе. За свои двадцать шесть лет она ожеребилась лишь однажды и признала своего жеребенка по достижении им пяти лет. Уали Караби как зеницу ока стерег жеребца и не позволял притрагиваться к нему даже своим детям. Старик то ли вспомнил народную мудрость: нагаши – благодетель, покровитель, то ли на самом

деле решил показать внуку свою щедрость, но на удивление всех близких взял и подарил Жанибеку того самого жеребца. Радости Жанибека не было предела. Что интересно, животное было дикого нрава, не прирученное к седлу, его не смогли укротить даже несколько дюжих жигитов. Совершенно устав от бесполезных попыток обуздать жеребца, они, наконец, махнули рукой и сказали: «Пусть наш младший братец сам и ловит, ведь ему же ездить на нем!»

Гнедой жеребец и впрямь был красавцем: мощная грудь, поджарые бока, маралья голова. Он так и играл гривой на ветру, перебирая ногами, готовый тотчас броситься вскачь на своих тонких ногах с куланьими копытами.

Увлечшись погоней, Жанибек уплотнил лошадей, выбрав момент, запустил пальцы в гриву и челку животного и, не обращая внимания на пронзительное ржанье, ловко набросил узду, затем – седло, и одним махом оказался верхом. Видимо, не зря говорят, что у каждого животного есть свой хозяин. Аульные жигиты, не раз усмирявшие строптивых жеребцов и хвастливо задиравшие при случае носы, при виде такой прыти притихли. Столь смелый поступок жиен обрадовал одного из родственников, и тот еще долго расхваливал Жанибека, от восхищения сверкая глазами.

Погостив некоторое время у нагаши, Жанибек начал собираться в обратный путь. Но прежде дед Уали Караби велел забить жирную кобылу и организовал достойные проводы. По этому случаю устроили состязания в стрельбе из лука, состоялись и скачки на быстроногих скакунах, на славу удались кокпар, кыз-куу. Победитель в борцовской схватке получил в награду верблюда и ковер. По завершении празднеств Уали Караби Бектас подозвал к себе Жанибека и сказал:

– Воздень руки и запомни мое благословение:

Лучше крепкая бязь,

Чем невзрачный плюш.

Лучше беседа откровенная,

*Нежели бестолковый родственник.
Да будет добыча вдали,
А вред – рядом.
Даже мышь питается поодаль от норы,
И это помни, не забывай.
Не хлопай сильно дверью,
Которую придется открывать.
Не говори тяжелых слов
Другу, с которым суждено еще свидеться.
Да благословит слова мои Всевышний!
Удачи тебе в пути!
В путники тебе Кыдыр-ата!**
Аминь!

С тех пор за конем Жанибека и закрепилась кличка Гнедой. В истории он остался известен как один из боевых коней батыра во времена борьбы с джунгаро-калмыцкими завоевателями. Не раз наш отважный предок на своем гнедом красавце-коне одерживал победы в жестоких и кровавых битвах с врагами.

После возвращения от нагаши на басире Жанибека ждала еще одна поездка. Поспособствовал этому опять же прадед Шакшак, благословивший его в добрый путь. На этот раз Жанибек на своем гнедом скакуне направился в аул, расположенный у озера Бирказан, к двадцатипятишестилетнему старцу Абыл Найман. Прибыв в аул со своими спутниками, он спешивается и приветствует старца.

– Кто-кто это? – стараясь понять, спрашивает старик.

– Я правнук батыра Шакшак! – отвечает Жанибек.

Старик обрадовался и велел в честь гостей забить скот.

Старик Абыл был ровесником пятого предка Жанибека – Аманжола, вместе с которым не раз принимал участие в боевых походах легендарного хана Есима. С горящими от восторга глазами старец с пристрастием рассматривал подростка.

*Кыдыр-ата – вещей.

Не найдя в нем ни единого изъяна, остался доволен своим юным гостем. При этом он все не переставал наставлять Жанибека.

– Если хочешь стать бием, то помогай бедным; в бою жестоким крепко держи свое знамя, не роняй его; с другом щедро делись своей добычей, не потеряешь его; совета спрашивай не у тысячной толпы, а у одного, но мудрого. Если надумал взяться за оружие, то в руки бери ружье. Оно защитит тебя в случае нападения врага, обеспечит едой во время голода, если устанешь – сможешь опереться на него. Женщину люби в молодости. В молодости жигит – царь, а девушка – царица. Иначе пожалеешь в старости. Вот тебе мой совет:

Чтобы удача сопутствовала тебе, сынок!

Чтобы врагу никогда не быть ровень с тобой!

Чтобы уважением людей пользовался ты!

Чтобы птица счастья села на плечи твои, сынок!

Старец благословил Жанибека и пожелал счастливого пути.

Как известно, благословение никогда не бывает лишним и порой оно сбывается. Ведь не зря в народе говорят: «Народ расцветает благословением, а земля – дождем». По сути своей, это ведь назидание старших, совет, пожелание всяческих благ и удач. Ибо сама жизнь нелегка и извилиста, как дорога. Что же тут предосудительного, пожелать удачи и счастья человеку, поддержать и окрылить его на хорошие дела и поступки!

Народная мудрость гласит: «По времени – и законы, а по лесу – и зверь». Теперь юный Жанибек направился к Алшынам, прежде жившим у берегов Волги и Урала, но теперь откочевавшим в низовья Сырдарьи. У него была мечта услышать голос слепого старца Абыза из Младшего жуза, поговорить с этим мудрым человеком, слывшим в народе острословом и краснобаем, получить у него благословение. Вскоре без каких-либо препятствий Жанибек прибыл в аул. Входит в дом старика Абыза и, припав на правое колено, с камчой в правой руке, почтительно прижатой к груди, в поклоне приветствует его:

– Ассалаумагалеюкум!

Слепой Абыз был слишком стар, его дряблые щеки были прикрыты шелковым платком.

– Чей ты будешь? – спросил он, встрепенувшись.

– Я сын Кошкара, – ответил Жанибек.

– Как же, слышал, поговаривали, что у Кошкара есть достойный сын. Видимо, это ты и есть?

– Да, он самый. Вот приехал получить благословение у здешнего старца.

– Э-э, сынок, по всему видно, ты в бии метишь, в краснобаи стремишься? Воздень руки, – говорит Абыз и дает свое благословение:

Править народом достойный ты сын,

Его защитником быть достоин ты, сын,

*Не жалея справедливости людям, нуждающимся
в нем,*

Заслужишь доверие народа к себе,

С товарищем добычей делись, не жалея,

В беде не оставит он тебя.

Из тысячи друзей выбери самого верного,

Только один из тысячи может осчастливить других.

Будь одним из таких,

Самым достойным из тысячи!

Уважения тебе и почета!

Аминь!

Теперь со своими верными спутниками Жанибек направляется к девяностолетнему бию Тайган из Младшего жуза. Бия он застает в седле, так как в это время его аул откочевывал на новое место. Поэтому приветствовать его пришлось, сидя в седле.

– Эй, жигит, чей ты будешь? – спросил оскорбленный бий.

– Я сын Кошкара, – ответил Жанибек.

– И что же ты потерял в наших краях?

– Слышал, что есть у вас мудрый старец, вот и решил проведать его, попросить совета у него.

– Э-э, Жанибек Кошкарулы из зубастых Аргынов. Хочешь посмеяться над выжившим из ума стариком Алшыном? – сказал Тайган раздраженно.

«Я же приехал к нему за советом, а он что вытворяет...», – промелькнуло в голове у Жанибека. От обиды он резко дер-

нул уздой коня и выехал несколько вперед. Оказывается, бий прекрасно был осведомлен, где до этого побывал и откуда едет Жанибек.

– Эй! – окликнул после некоторой паузы бий. – Не дергай коня. Не обижайся! Куда мне равняться с Уали Карабием, со старцем Абылом, с мудрым слепым Абызом! Чего стоит мое пожелание? Тебе разве мало благословения этих святых? – сказал он, несколько уязвленный.

Жанибек, резко дернув поводья, ответил:

– Если Уали Караби – мой шлем, то Абыз – мой щит, благословение дедушки Абыла – остроконечное мое копье. А ваше благословение, почтенный, стало бы мне верным мечом в смертельном бою с врагом! В надежде услышать несколько слов из ваших уст приехал я издалека. Ведь не зря говорят в народе, выклянченному благословию не суждено исполниться, оно должно исходить от души и быть искренним.

Старик смущенно ответил:

– Далеко известно имя твое, Жанибек Кошкарулы, ты мальчишка еще несмышленный, способен на ошибки.

Был ли кто мудрее Шакшака?

– Неужели и вправду насмехаешься над стариком Кереем?

Жанибек ему тотчас:

– Ата, к чему мне насмеяться над вами? Я хочу познать традиции, обычаи народа, услышать назидания, совет, чтобы дорожить священным наследием, драгоценным словом отцов, чтобы потом передать все это подрастающему поколению.

Поняв свое поражение, Тайган-би приглашает Жанибека в свой аул и говорит:

– Мудрость исходит не только от старших, его не лишены и молодые. Не зря гласит народная мудрость: «Не гони вола в гору – обессилишь сам, не трать слов недостойному – сам унизишься». Познание народа начинается со знакомства с его батыром.

В честь гостя забивают скот, оказывают ему уважение и с почестями провожают в обратный путь.

Благословение, полученное от старцев и мудрецов трех жузов, возымели свое действие. Впоследствии они, как путеводная звезда, освещали жизнь Жанибека, ибо он всегда помнил и чтит эти назидания и мудрые советы.

На курултае в Каракумах

Получив желанное благословение из уст вещей старцев, Жанибек Шакшак направился в Каракумы, чтобы принять участие в большом курултае.

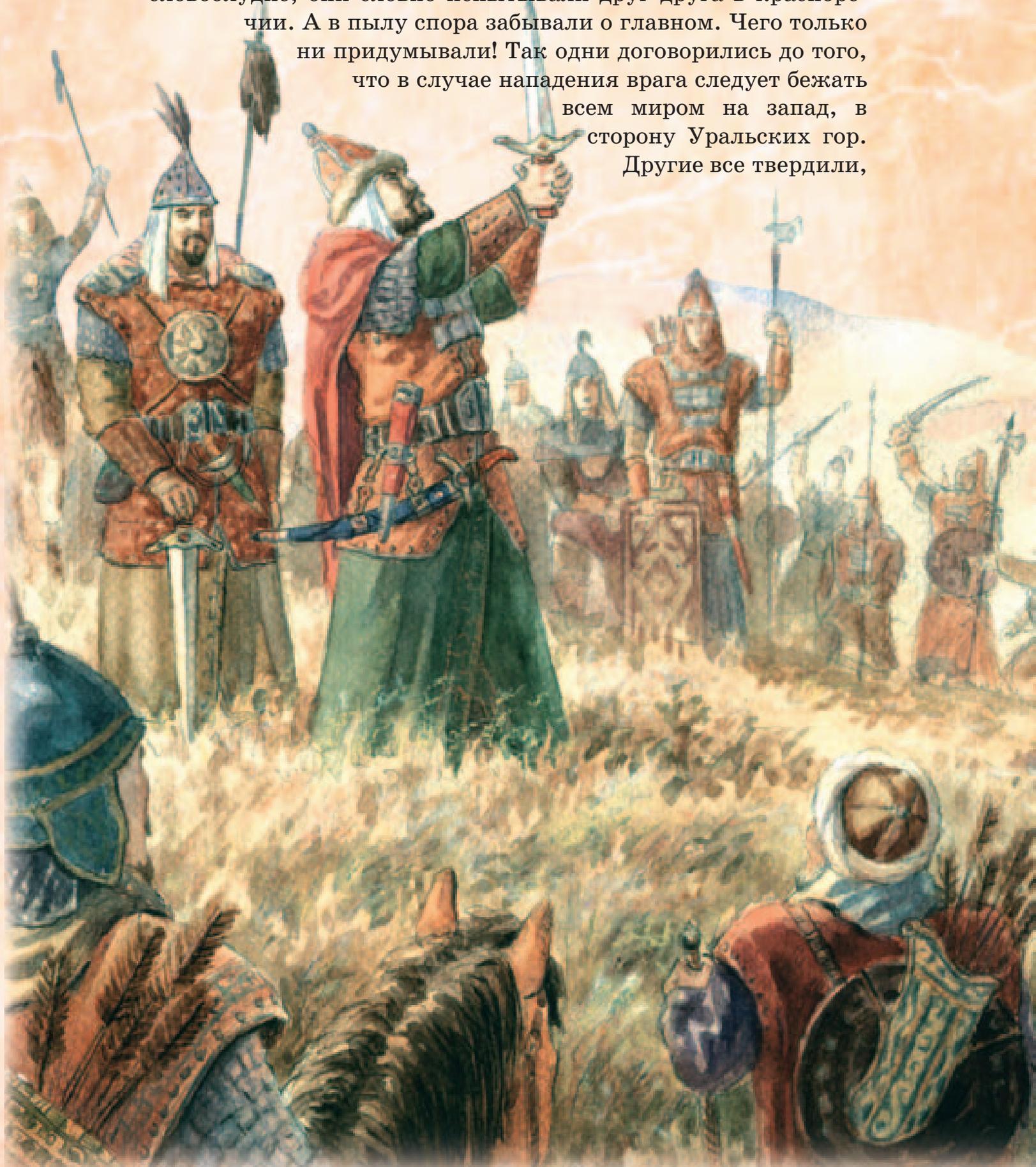
Есть истина в словах предков: «У каждого народа в любую эпоху отыщется свой враг». Все чаще приходили вести, что враги напали на тот род, разорили тех-то, разграбили тот-то аул, отогнали врага успешно за горы.

Ситуация осложнялась еще и тем, что казахи стали делиться на жузы и роды. И хотя всем было ясно, что обособление на отдельные владения никогда ни к чему хорошему не приводит, такая угроза нарастала. Там, где нет взаимопонимания и сплоченности, никогда не будет единства, мира и согласия. А без единства и согласия легко стать добычей врага, разоренным и ограбленным. Кто может быть уверен, что соседние страны не вынашивают захватнические планы! Вот и царская Россия при удобном случае попытается отхватить от казахской земли лакомый кусок. Не таким уж смиренным представляется и другой сосед – Китай, который может и заглотить под видом благожелателя. Если китайцы и джунгары перестанут воевать между собой и придут к согласию, то вполне возможно, что первые натравят вторых на мирных казахов.

По прибытии на место пятнадцатилетний Жанибек узнал, что именно эти обстоятельства и стали главной причиной созыва ханом Тауке предстоящего представительного курултая казахов. Он уже знал от старших, что главная цель курултая – объединить в одно целое силы разрозненных казахских жузов и родов.

Среди собравшихся Жанибек впервые увидел таких известных казахских батыров, как Богенбай и Кабанбай. Рядом

с теми, кто горячо отстаивал идею объединения, пришлось ему увидеть и пустых гордецов, себялюбцев. Затеяв бесполезное словоблудие, они словно испытывали друг друга в красноречии. А в пылу спора забывали о главном. Чего только ни придумывали! Так одни договорились до того, что в случае нападения врага следует бежать всем миром на запад, в сторону Уральских гор. Другие все твердили,

что верное спасение – это скорейший уход в пески, третьи предлагали затеряться среди братьев по вере.

Видя все это, Жанибек с огорчением повторял: «Неужели и впрямь мы такой народ, без чести и достоинства?»

Из глубокого размышления его вывели слова батыра Богенбая:

– О, братья! Не лучше ли нам покоиться в сырой земле, нежели трусливо поддаться воле врага, быть разоренными и униженными, позволить забрать в рабство сыновей и дочерей наших. Где наша

гордость и честь!? Почему бы нам ни объединиться под одно знамя, как это делали не раз наши предки, и стать стеной против врага. Разве затупились наши копыя и мечи? Что за страх вселился в вас? Послушайте меня! С сегодняшнего дня я готов отдать свою душу Аллаху во благо народа. Да здравствует Алты Алаш*. Чтобы мечи ваши были наточены, а копыя остры!

Настоящим батыром оказался Богенбай. Он вынул саблю из ножен, отвернул рукав и вонзил ее острие себе в руку.

– Вот видите саблю в моей крови! Кровью своей клянусь, что не позволю захватчику ступить на родную землю! Буду биться насмерть с ним, до последней капли крови! – с воодушевлением воскликнул он.

Говорят, что батыр Богенбай родом с юга, родился он на берегу реки Боген, сам из рода Канжыгалы, который позже откочевал в сторону Ерейментау.

Участники курултая в большинстве своем поддержали призыв Богенбая. Каждый род под шумные крики родового клича поклялся биться насмерть с врагом. Нарушение данной клятвы у казахов, как и у всех кочевых народов, считалось более тяжким грехом, нежели переступить через священный Коран или хлеб.

Повсюду слышалось:

– О священный Найман-ата, преклоняюсь перед духом твоим!

– О, предок мой Байдибек...

– О, святой Каптагай...

В завершение в жертву была принесена пегая лошадь. Собравшиеся, представители всех трех казахских жузов, совершили ритуальное помазание лба кровью жертвенного животного. Конечно, были и такие, кто втихомолку постарался убраться восвояси. Однако курултай сыграл свою историческую роль: он еще раз дал понять людям, что великая сила народа – в единстве. Он сплотил казахский народ на борьбу с калмыцкими захватчиками.

**Алты Алаш – шесть тюркских родственных народов.*

Первое испытание

По возвращении с курултая Жанибек словно навсегда распрощался с детством. Он запомнил слова батыра Богенбая, его грозный клич, призывающий представителей Алты Алаш к сплочению, защите чести и достоинства казахского народа. Теперь он с нетерпением стал ждать того дня, когда сможет сразиться с ненавистным врагом.

Жанибек тщательно ухаживал за своим гнедым скакуном, готовил его к предстоящим сражениям. Оттачивал и совершенствовал и свои познания в боевом искусстве. И среди молодых не было ему равных в мастерстве владения саблей: на полном скаку он легко мог срубить лозу. Но, всегда стремясь к совершенству, он не переставал познавать секреты боевого искусства. Огорчало одно: оружия было мало, к тому же все старое. «Разве можно таким оружием чего-то добиться? Без нового современного вооружения то же, что идти на верную смерть». Мысли эти часто не давали Жанибеку покоя.

Но недолго длилась воинская подготовка Жанибека. Вскоре дошли слухи, что калмыки, успешно преодолев горы, внезапно напали на казахские аулы. Не выдержав натиска превосходящих сил противника, боевые дружины Старшего жуза с тяжелыми боями вынуждены были отступить к низовьям Сырдарьи, а отряды Среднего жуза – по направлению к Улытау. И батыр Кабанбай Каракерей собирает под свои знамена войска представителей трех казахских жузов, чтобы дать достойный отпор джунгарам.

Вскоре весть о нападении калмыков достигла даже самых отдаленных казахских аулов. В то время в каждый аул посылали гонцов, и те не только извещали людей, но и поднимали их на борьбу с врагом. А батыры из различных казахских аулов в свою очередь собирали боевые дружины и присоединялись к основному войску. Такой порядок был в совершенстве отработан в ходе частых войн, распрей, боевых столкновений с джунгарскими захватчиками и действовал четко и безотказно.

Жанибек тоже добровольно присоединился к основному казахскому войску. Ненависть к врагу и стремление испытать свои силы на поле битвы привели его в ряды ополченцев.

Вскоре казахские войска под предводительством батыра Кабанбая лицом к лицу встретились на поле битвы с джунгарами. В ожидании смертельной схватки обе стороны выстроились плотной стеной друг против друга. На поединок поочередно вышли три казахских воина, и все трое пали. Никому не удалось одержать верх. Калмыцкий богатырь победно гарцевал на гнедом скакуне: он оказался смелее и сноровистее своих соперников.

Тяжело отразился на духе казахских воинов исход поединков: животный страх сковал их волю, никто не решался стать очередной жертвой джунгарского батыра. А тот, видя их замешательство, вовсе распоясался. Хвастливо и хрипло выкрикивая победные возгласы, он начал издеваться над казахами. Те стояли в оцепенении.

Неожиданно на поле стремительно вылетел совсем юный воин на гнедом скакуне. Сверкая стальными доспехами, с длинным копьём наперевес он ринулся на врага.

- Эх, жалко, пропадет мальчишка ни за что...
- Бедняга, что же он торопится навстречу своей смерти...
- О, Аллах! О, Всевышний! Все в твоих руках...

При виде такого безрассудства стоящие в плотном строю сарбазы не знали, чего и ожидать.

Жанибек, напустив на себя грозный вид, старался ничем не выдать свою тревогу. Он весь собрался в кулак. Это ведь его первый поединок... К тому же противник силен и беспощаден. Свидетельство тому – гибель трех предыдущих батыров. Но как, если не в смертельной схватке, испытать силу, отвагу, умение владеть оружием!

Такие поединки называли алгадай и, как правило, они заканчивались смертью одного, а то и обоих участников. Воин, не прошедший боевое крещение, не мог называться настоящим батыром. Поэтому на них решались лишь самые отважные и смелые.

Поединок имеет свои древние традиции: победитель первой схватки первым начинает атаку в случае боя со следующим соперником. Если сумеешь остаться целым и невредимым после первой атаки, то появляется надежда на победу: ведь теперь очередь

атаковать за тобой. Поэтому каждый участник до предела собран, старается не оставлять без внимания любое движение противника, иначе можно поплатиться жизнью. Но и соперник не дремлет, в ходе боя пытается нащупать самое слабое место противника.

Внимательно наблюдая за каждым движением врага, Жанибек предпочел толстый и прочный аркан. Пользуясь правом начать атаку первым, калмыцкий батыр тотчас вздыбил коня и с копьем наперевес грозно устремился на соперника.

«Нельзя теряться!» – мысленно подбадривал себя Жанибек. Он весь напрягся. Расстояние между ними стремительно уменьшалось. Когда они приблизились друг к другу на длину копья, Жанибек ловко выхватил из-за бедра аркан и точным движением руки накинуд его на противника. Резко развернул своего коня, выбил врага из седла и пустился в степь, волоча его по земле. Все это произошло так быстро и неожиданно, что сарбазы едва успели опомниться, как калмыцкий батыр, словно скошенный, вылетел из седла, а Жанибек уже исчез в пыли.

– Да это же Жанибек! – послышался чей-то радостный возглас. – Молодец!

– Это который Жанибек?

– Правнук батыра Шакшак?

– Ну, прямо весь в деда... ведь одной крови...

– Да кто бы ни был, молодец, настоящий жигит! Признаться, мы были в растерянности. Подбодрил, аж все воспряли духом!

– Многие лета тебе, славный жигит!

Жанибек вел себя словно опытный воин. Сойдя с коня, он подошел к поверженному противнику, хрипевшему от ярости, снял с него шлем, доспехи и надел их на себя. Подобный поступок – необходимое условие любого поединка: подвиг победителя должен вознаграждаться.

Вдруг тишину разорвал зычный боевой клич: «Шакшак! Шакшак!» И тотчас степь наполнилась многоголосым гулом:

– Акжол!

– Каптагай!

– Алатау!

Боевые ряды джунгар дрогнули. Враг не ожидал столь дерзкой отваги со стороны казахов.

По возвращении в аул

В лихие времена каждый воин старается быть начеку. Но одно настораживало: калмыки нападали и грабили аулы, когда казахские батыры уходили в поход. Как будто следят и ждут только этого. У казахов достаточно было врагов: на западе не переставали бряцать оружием родственные джунгарам калмыки, готовые напасть в любой день. Не отставали от них и казаки, часто тревожа аулы своими внезапными набегами. Даже башкиры, у которых и язык вроде бы схож, и вера одна, и те были не прочь позариться на чужое добро. Не раз они подходили близко к казахским селениям со стороны реки Ор. Ненасытным аппетитом выделялись и хищные южные ханы. Так и ищут удобный момент, чтобы отхватить чужое, а ведь считаются единоверцами.

С тревогой в душе Жанибек лег передохнуть. Только вчера он вернулся из похода со своей небольшой, но отважной дружиной. За два года жизни в седле он окреп, возмужал в смертельных битвах с захватчиком, стал настоящим батыром. Многие аргынские аулы подверглись жестоким набегам, в результате они были разорены и влачили тяжкое существование. Наглость западных калмыков не знала предела. Не встречая достойного отпора, они углублялись даже в отдаленные Торгайские степи, минуя земли Младшего жуза.

Раздосадованный этими событиями, Жанибек долго ворочался. Наконец, он принял решение: как только утихнут морозы, пойти в поход и расквитаться с захватчиками. Но разве под силу сделать это ему одному? Сейчас и времена не те. Казахи, некогда в ярости бившие себя в грудь, теперь стыдливо отворачиваются: мол, это меня не касается. Есть и такие умники, которые пытаются отговорить своих близких и родственников: «Зачем зря подставлять свою голову ради чужих? Лучше поостеречься!»

Что может быть лучше правды, сказанной открыто, без обмана и лести, хоть она и горькая? Видимо, не зря говорили предки: «Честность придает чести».

Следуя этой мудрости, Жанибек и на этот раз проявил твердость и решительность. Желавших поддержать его не было. Рядом с ним остался лишь племянник Жанкожа. Но, как говорится, скисшее молоко обязательно забродит. Жанкожа простудился в пути, заболел, и Жанибеку пришлось оставить его в одном из аулов у реки Жайык. Затем он один тайно переправился на противоположный берег реки и направился в сторону калмыков. Днем батыр отсиживался в камышах, а ночью занимался поиском табунов лошадей, угнанных калмыцкими барымтачи. В одну из таких ночей, наконец, он наткнулся на многочисленные табуны, пасущиеся под охраной табунщиков. Улучив удобный момент, Жанибек напал на охрану, отбил несколько табунов и погнал в родные края.

К этому времени Жанкожа выздоровел. В ожидании брата он часто выходил к реке и часами всматривался в противоположный берег. И вот однажды он, наконец, увидел табуны лошадей и Жанибека. Тревожась за брата, он мысленно пожелал ему удачной переправы. Однако вскоре послышались шум и крики преследователей. Но, видимо, создатель действительно покровительствует честным, смелым и справедливым. Жанибек все-таки успел переправить лошадей и выбраться на родной берег. И как только на реке с криком и гиканьем появились преследователи, лед под копытами коней начал трещать и ломаться. Обезумевшие от страха калмыки, проваливаясь в ледяную воду, повернули назад. Вскоре они опомнились и, поспешно хватаясь за оружие, начали беспорядочную стрельбу...

Так река помогла своему батыру. Откуда знать чужим, что порой и родная земля спасает человека! Видимо, эти события и воспеваются в поэмах, которые можно услышать и в наши дни.

*На полном скаку бросился в воду конь,
Лишившись скота, надежду потерял калмык,
Жанибек сам один отбил и пригнал табуны лошадей
С крутого калмыцкого берега.*

Говорят, что потомки тех лошадей все еще встречаются на Торгайской земле.

Сартай и тысяча отважных мальчишек

Незаметно бежало время. Настала пора, и имя Жанибека как одного из народных батыров стало широко известно. Пора, когда народ заговорил о его многочисленных подвигах и победах над врагами казахской земли.

В декабре 1722 года умер китайский император Канси*. Вместо него на престол садится сын Юнь Чжэнь. Новый император снимает все войска, стоящие вдоль границы, и предлагает джунгарскому контайчи Сыбан Раптану мирным путем решить существующие между ними разногласия и территориальные споры.

Воинственным джунгарам ничего не стоило найти себе врага. Он был рядом – неокрепшее казахское государство, с которым они вели стычки с незапамятных времен. Теперь контайчи свое сотысячное войско, обладавшее немалым боевым опытом, направил на казахские земли. У Сыбан Раптана была тайная мечта: на всей территории от Тибета до Едиля создать мощную империю кочевых джунгар. И в осуществлении своих замыслов он не сомневался. Уверенность ему придавало то, что он не ощущал недостатка в воинах и в вооружении.

Казахам тяжело было противостоять пушкам калмыков. Конечно, при опасности можно было быстро сформировать ударные силы. Такое уже бывало в истории, когда такие известные в народе батыры, как Каракерей Кабанбай, Канжыгалы Богенбай, Есет могли собрать по конному отряду не менее пятисот сабель отважных воинов. Причем особое внимание батыры уделяли готовности сарбазов дать достойный отпор захватчику.

**Император Канси – псевдоним, настоящее имя Сюань-е (1654 – 1722 гг.). Он известен, прежде всего, своими завоеваниями, расширением границ и укреплением авторитета своего государства.*

Следуя этой традиции, Жанибек строго следил за боеспособностью своих воинов. От своих жигитов он требовал умения в совершенстве владеть пятью видами боевого оружия: ружьем, луком, копьем, саблей, арканом в любых условиях и обстановке. Еще он учил своих воинов умению ловко и точно накидывать арканы на вражеские пушки и утаскивать их в свое расположение. Обязывал воинов выбирать коней желательной масти, одеваться, по возможности, приблизительно одинаково, прикреплять опознавательные перья на шлемы, самим шить кожаные перчатки, наколенники и защитные телогрейки, надеваемые под чапан. И эти требования выполнялись, так как каждый воин был дисциплинирован и предан своему батыру.

Джунгарский контайчи Сыбан Раптан отличался жестоким нравом, был безжалостен к врагам, особенно это проявлялось по отношению к соседям-казахам. Его грозное многотысячное войско продвигалось по двум направлениям. Одна часть устремилась в сторону Сырдарьи, а вторая – к Сарыарке, чтобы в конце перехода соединиться в районе Улытау, а затем, преодолев Торгайские и Иргизские степи, выйти на берега Жайыка. И если все пройдет успешно, контайчи получил бы возможность воссоединиться со своими родственными племенами торгоутами и хошаутами.

Захватчиков, вступивших в степи Сарыарки и Ерейментау, ждали казахские войска под предводительством Богенбая Канжыгалы и Кабанбая Каракерей. Первыми встретили джунгарских захватчиков и дали им бой дружины Жанибека и хана Абулхаира.

Это произошло в 1728 году на солончаке Буланты. Здесь и была одержана первая победа времен «Великого бедствия казахского народа» над джунгарскими завоевателями, известная в истории как *«Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама»*.

Свидетельством той тяжелой для казахов эпохи являются сохранившиеся до наших времен названия: *«Қайың сауған»*, *«Қалмақ қырылған»*, *«Сауран айналған»*, *«Қалмақ оба»*.

В памяти Жанибека запечатлелся один случай. В донесениях дозорных, выдвинутых вперед на расстояние одного-двух-дневного перехода, кроме месторасположения, передвижения

вражеского войска, имелись сведения и о жестокости калмыков, чинимых ими над местным казахским населением. Они не только крушили и дотла сжигали аулы, но и нападали на беззащитных беженцев, не жалели ни стариков, ни женщин, ни детей. Услышав о том, как враги отрубили голову невинному мальчишке, Жанибек не выдержал и послал гонцов в аулы призывать людей

дать отпор и наказать калмыков за их злодеяния. Не зря говорят в народе: «Где единство – там и сила». Вскоре начали прибывать сарбазы от Богенбая Табын, Есета Тама, султана Абулхайра.

Из низовьев Сырдарьи от рода Шекти подросло тысячное войско, состоящее из добровольцев-подростков во главе с семнадцатилетним Сартаем – сыном батыра Буркита, назначенного с согласия главного бия рода Жакайым – Байжана Мамбет. Удивившись такому выбору, воины спросили почтенного:

– Бий-ага! Как это понимать? Неужели у вас нет более достойных жигитов, чем эти неокрепшие и неопытные мальчишки?

– Конечно, есть. Разве бывает народ без батыров? Слава Аллаху, и мы не обделены! Чем не батыры Бактыбай и Пусырман? Они смелые и честолюбивые. Никому не позволят оскорбить или обесчестить знамя рода Шекти. Но дело в другом. Есть у казахов дурная привычка. Как это назвать: то ли беспечностью, то ли завистливостью? Даже не задумаются, что враг, разоривший соседа, завтра может оказаться у его порога. Порой не желают и представить себе всю серьезность положения и его тяжелые последствия. Иногда даже вполне взрослые жигиты, тоскуя по аулу, женам и детям, могут спокойно оставить войско. А вот подростки на войне ведут себя более дисциплинированно и ответственно. Уверен, очень скоро эти юнцы под предводительством батыра Жанибека превратятся в отважных и бесстрашных соколов.

Из разных мест все еще прибывали в расположение Жанибека добровольцы, среди них были и пожилые, и совсем юные воины. Вскоре появились дозорные Сартая и доложили о приближении калмыцких войск. А спустя некоторое время оба войска уже стояли плотной шеренгой друг против друга.

На мгновение установилась зловещая тишина: обе стороны замерли, словно тигр перед решающим прыжком на жертву. Заметно было: противники побаивались друг друга. Выжидая удобный момент, в напряжении стояли и Богенбай Канжыгалы, и Есет, и Жанибек. Кто же первый начнет битву? Казалось, будто и время замерло на какой-то миг. Вдруг от казахского войска отделилась небольшая группа всадников и с боевым кличем «Сартай!» стремительно бросилась в атаку.

Неожиданный поворот событий вывел Жанибека из оцепенения, он понял, что это его мальчишки. Болью отозвалась мысль, что эти неопытные юнцы сейчас погибнут. И тогда, оценив их

беспримерную отвагу, он, охваченный всеобщим порывом, выхватил саблю из ножен, резко дернул поводья своего гнедого скакуна. За ним устремились в атаку его воины. Топотом тысяч копыт огласилась степь, гулом прокатился боевой клич «Шакшак! Шакшак!», воодушевляя казахских воинов.

Несмотря на свою молодость, юные воины на деле оказались смелее, нежели опытные старые вояки. Они не могли поступить иначе, так как были патриотами своей земли, к тому же и честолюбивы. Они собственными глазами видели, как враги разрушали и сжигали казахские аулы, убивали их матерей. Одержимые ненавистью, они с яростью неслись вперед с одной лишь целью – отстоять свободу родной земли!

Внезапный, по-мальчишечьи безрассудный, но по сути героический порыв молодых придавал решимости и остальным воинам. Стремительной лавой они бросились в атаку, готовые отдать собственные жизни ради этих отчаянных подростков. С копьем наперевес в общем потоке грозно неся на своем ахалтекинце Акмоншак батыр Есет, рядом с ним скакал батыр Богенбай Канжыгалы, готовый обрушить на голову врага огромную булаву.

Не успев даже осмыслить происходящее, джунгары опешили: сталкиваться с подобной стремительностью им раньше не приходилось. Замешательство, растерянность и страх охватили их. Разве думали они, что все казахское войско без какой-либо подготовки, внезапно, без команды лавиной бросится вперед, сметая все на своем пути? И они начали беспорядочно отступать. Так что калмыцкому полководцу с оставшимися пятью тысячами воинов пришлось спасаться бегством.

Все происшедшее с ними казалось каким-то кошмарным сном. Ему было не понять, что в час тяжелых испытаний, всенародной беды и печали у казахов даже мальчишки становились настоящими батырами.

Неудержимый порыв и отвага тысячи мальчишек под предводительством Сартая, их готовность защитить родную землю не только поразила Жанибека, но и придала ему сил и уверенности.

Жанибек отдает свою лошадь

Но и после второго сокрушительного поражения на Аныракае джунгары не собирались отступать, продолжая дальше вынашивать свои захватнические планы. Они все также безжалостно предавали огню и мечу казахские аулы на своем пути.

Несмотря на значительные потери, враг был еще силен и многочислен, поэтому казахские ополченцы, избегая прямых столкновений, предпочитали совершать неожиданные набеги. Подобная тактика ведения войны не предполагает четкой линии фронта: свои и чужие – все перемешалось.

Кругом царила неразбериха. Случалось, что, миновав беженцев с плачущими от голода детьми, стонущими немощными стариками и женщинами, казахские дружины наталкивались на джунгар.

Но чаще встречались обездоленные, которые, спасаясь от смерти, сами не знали куда идут. Увидя своих, они кидались в объятия и, еле сдерживая слезы горечи, с укором спрашивали: «Родненькие, где же вы ходите? Спасите нас от врага». Воины успокаивали: «Потерпите немного. Недолго осталось лютовать и бесчинствовать проклятому захватчику. За все ответит. Скоро, совсем скоро выгоним его с родной земли. И на нашей земле будет мир и радость».

Как-то Жанибек углубился в пески, чтобы устроить там засаду. Вскоре среди желтых, казалось бы, безлюдных барханов, словно мираж, возникла выгоревшая на солнце обветшавшая лачуга. Подойдя поближе и заглянув в щели, они увидели внутри очага молодую женщину, которая грудью кормила младенца и пела вместо колыбельной горестную песню:

Разве нынче, как прежде?

Даже нет стригунка.

Масла тоже нет,

Чтобы покормить и успокоить тебя.

Где же народ, живший здесь прежде?

Где тот скот, шумом

Оглашавший окрестности аула?

Где же мясо, которого прежде было в избытке?

Где же молоко, бывшее в изобилии?

Где же та аруана,

Молоком густым одаривавшая нас?

Услышав похожую на плач песню молодой женщины, Жанибек затрясся от обиды и ярости.

– Надо же, а где же ее муж? – мелькнула мысль. – Что делает она одна в этих безлюдных песках? Неужели от калмыков спасается? – невольно пробормотал он.

Он послал дозорных, чтобы разведать окрестность. Однако поблизости не оказалось ни одной живой души.

– Что же делать? Наступит ли день, когда, наконец, умолкнет плач тысяч таких обездоленных? И помощи им ждать неоткуда, казахские войска все еще отступают.

Глубоко задумался Жанибек. Как и у всех воинов, у него во время боевых походов было при себе несколько сменных верховых лошадей. Всякое могло произойти: порой приходилось менять коня и перед боем.

Наконец, отбиваясь от назойливых мыслей, он решил: «Какой же ты батыр, если не можешь подать руку помощи в столь тяжелое время?»

Жанибек взял одну из своих лошадей и молча привязал ее к перекладине ветхого строения: «Если оставлю, то не обеднею, если не оставлю, то потеряю честь».

Лятысот сарбазов из рода Жаппас

Вскоре на стоявших в засаде сарбазов Жанибека неожиданно наткнулся целый караван беженцев, бредущих на юго-запад среди песков. Обрадовавшись случайной встрече, они остановились и, как принято по казахскому обычаю, принялись расспрашивать, знакомиться, выяснять, кто из каких мест.

– Из рода Жаппас будем мы, – говорят беженцы. – Убегаем от проклятых калмыков.

Жанибек негодовал в душе:

– От калмыков бегут! Говорят без стыда и совести! Где же гордость? Подрастеряли?!

Он молча сдерживал свои чувства. Что могут эти люди сделать против вооруженного вражеского войска?

А потом спросил:

– А далеко ли калмыки?

– На расстоянии двухдневного перехода отсюда.

– В таком случае, сегодня, пожалуй, можете заночевать здесь. Мужчин прошу рано утром собраться вон на том холме! Разговор есть, посоветоваться надо кое о чем.

С первыми лучами солнца Жанибек взобрался на холм и, поджав под себя ноги, сел, терзаемый одним желанием: любыми путями остановить этих людей и влить их в свое войско. Вскоре вокруг него стали неспешно собираться мужчины. Батыр сидел молча.

Когда солнце поднялось на высоту древка копья, к нему подошел аксакал.

– Эй, батыр, мы собрались. Люди ждут. Что вы хотели сказать нам? – обратился он, выражая мнение всех собравшихся.

Исподлобья окинув всех взглядом, Жанибек продолжал молчать.

– Батыр, жестокий враг преследует нас, наступая на пятки. Что вы хотели сказать, говорите, да побыстрее, нам в путь трогаться пора! – с нетерпением в голосе сказал аксакал.

Жанибек будто ждал этого момента. Он резко поднял голову и, окинув взглядом толпу, спросил:

– Все собрались?

– Да, батыр, все до единого! Как вы велели, пришли, когда солнце поднялось на длину древка копья! – сказал кто-то.

– А еще что я говорил?

– Сказали собраться только мужчинам! – ответил тот же словоохотливый жигит.

– Среди нас нет ни одной женщины, одни мужчины!

Люди зашумели и загалдели, наседавая на Жанибека.

– Батыр, мы выполнили вашу волю. В чем же дело? И долго мы будем томиться? За это время можно было не только лошадь забить, но и сварить мясо и подать к дастархану! – с нескрываемой досадой нервно заметил какой-то жигит.

– Точно одни мужчины собрались? – спросил, нарочито удивляясь, Жанибек.

– Да, как сами видите, среди нас нет ни одной женщины! – загалдели те.

– А ведь верно! В таком случае, ответьте: почему бежите от врага, ведь вы же мужчины?

Собравшиеся опустили головы, стыдливо пряча глаза.

И тогда из толпы вышел аксакал в тюбетейке. Лицо осунувшееся, изможденное, с редкой щетиной на щеках.

– Батыр, надо признать, вина в нас самих. Нет у нас достойного предводителя! Он погиб в жестокой битве с врагом. Но мы еще можем крепко держать оружие в руках! Поэтому просим принять нас в ваши ряды! – молвил старец, склоняясь в уважительном поклоне и поднося руки к груди.

– Вот теперь вижу, что вы настоящие мужчины! В народе говорят: сила – в единстве! Не мне вам объяснять, как это важно. Кто из вас не видел жестокость врага? Опустошенных от горя стариков и матерей, плачущих голодных детей? Бежать в обстановке всенародного горя – то же, что предать, оставить близких и родных тебе людей на произвол судьбы, на растерзание врагу! Слава Всевышнему! Мы не без достойных мужчин, рвущихся в смертельную схватку с ненавистным захватчиком! Не без мальчишек, способных спугнуть вражеских коней. Мы, казахи, – народ, не только терпеливый, но и стойкий, способный на любой подвиг ради будущего своих потомков! – с воодушевлением произнес Жанибек.

В тот день пятьсот мужчин из рода Жаппас сели на коней и дополнили ряды сарбазов Жанибека.

Как Байгозы стал батыром

После ожесточенной битвы в Аныракайской степи кочевники, наконец, почувствовали свободу. Цена победы была высокая: она подняла дух всего народа. Воодушевленные люди целыми толпами стали вливаться в ряды казахских ополчений Богенбая Канжыгалы, Кабанбая Каракерей, Жанибека Шакшакулы. Она дала понять, что только в единстве можно сохранить государственность, национальную честь. Честь и слава батырам, сделавшим немало для этой победы! Именно они стали примером отваги, беззаветной преданности своему народу.

Немало молодых батыров воспитал Жанибек, однако был он суров с ними, никогда не позволял вольности – этого требовало военное время. Своих воинов, как правило, он испытывал на поединках с вражескими батырами.

С особенной теплотой и любовью он относился к молодому батыру Байгозы. И об этом особая история. Однажды казахское ополчение встретилось с врагом лицом к лицу. Обе стороны стали стеной и замерли в ожидании поединка батыров. Вскоре на середину поля на огромном гнедом скакуне выскочил калмыцкий воин со знаменем, украшенным волосяной бахромой, и зычным голосом прокричал с явной издевкой:

– Эй, казахи! Кто из вас готов принять свою смерть? Что, трусите, пустозвоны! Зачем сели на боевых коней? Ведь прекрасно знаете, что все равно вас ждет верная смерть! Тьфу, одни трусливые душонки!

Но желающих сразиться с ним явно не было.

Пытаясь скрыть гнев, Жанибек вытащил свою табакерку и заложил за губу щепотку насвая. Когда такое случалось, он выходил из себя и никого близко к себе не подпускал. И вдруг

к нему подошел какой-то молодой жигит и попросил у него копьё, видимо, свое он потерял в одном из боев. Не сдерживая себя, Жанибек резко бросил:

– Жигит, даже за воду имеется спрос, ты бы сначала показал, чего стоишь и на что способен!

Молодой жигит оказался честолюбивым. Ничего не ответив, он молча вскочил на своего коня и направился в сторону калмыка-великана, все еще гордо гарцевавшего перед войсками. На полном ходу он вставил в обрамленный красивым косяным орнаментом лук стрелу, прицелился и выпустил ее во врага. Самоуверенный калмык выронил свое знамя и, опрокинувшись на спину, кулем вывалился из седла.

Подвиг жигита восхитил Жанибека, торжествуя, он воскликнул:

– Молодец, жигит! Настоящий герой! Надо же, как проучил этого заносчивого калмыка!

Все произошло так быстро и неожиданно, что обе стороны как будто оцепенели.

А отличившемуся молодому батыру Жанибек протянул свое копьё и сказал:

– Бери, ты заслужил его, теперь оно твое!

Это был первый боевой подвиг молодого батыра Байгозы – выходца из рода Таракты.

Жанибек еще долго вспоминал об отважном поступке молодого батыра.

Вещий сон

Но и спустя три года после Аныракайской битвы вероломный контайчи Сыбан Раптан, не встречая заметного сопротивления, стремительно продвигался в глубь страны. Кровь многих безвинных казахов была на нем.

Чувствуя свою безнаказанность, контайчи предложил: «Давайте исход войны решим одним поединком. Пусть на середину выйдут два самых отважных батыра. Проигравшая сторона должна признать свое поражение, пасть на милость победителя и лишиться скота и людей». Эти условия были не только унижительны для казахов: они задевали их честь и достоинство, но опасны и жестоки.

По слухам, у калмыков был некий батыр по имени Жайсан. Поговаривали, что этот богатырь обладал такой недюжинной силой, что мог одним ударом убить даже тигра, схватив его за хвост и стукнув оземь. Именно этим преимуществом он и желает, мол, воспользоваться. Конечно, у каждого народа найдется достойный батыр.

Одолеваемый мрачными мыслями, Жанибек уснул. Снится ему сон, от которого он в страхе просыпается. Во сне он видит калмыцкого батыра Жайсана.

Жанибек часто делился своими мыслями о войне с султаном Абылаем, считал его своим младшим братом и старался приблизить к себе этого человека, обладавшего незаурядным умом. Поэтому он поехал к султану, чтобы вместе обсудить свой сон. Султан Абылай велел привести своего верхового коня и, глядя на Жанибека, сказал:

– Батыр-ага, возденьте руки! И хороший сон, и плохой сон требуют жертвоприношения. О Аллах, пусть сбудется то, что я скажу!

Абылай тут же велел зарезать лошадь и раздать ее мясо людям. Затем он обратился к Жанибеку:

– Батыр-ага, рассказывайте ваш сон!
– Пожалуй, расскажу, – сказал Жанибек.
– Итак, во сне вы сражались с Жайсаном. Так оно было, батыр? – спросил Абылай, будто сам видел этот сон.

Именно тогда Жанибек искренно поверил в то, что Абылай обладает способностью толковать сны. Да, человек благородного происхождения всегда благороден.

– Только сошлись в поединке, как калмык тотчас ударом копья сбил меня с седла. Сел на грудь и, схватив кинжал, собрался, было, полоснуть по шее, как вижу, что правую мою грудь сосет один дракон, а левую – другой. Вскрикнул я от страха и проснулся в поту.

С улыбкой на лице Абылай посмотрел на батыра и сказал:

– Да, сон ваш, что ни на есть вещей! Лучше этого сна не бывает! Если враг свалил вас из седла во сне, то вы его свалите наяву. Во сне он оказывается на вашей груди – вы водрузитесь на него наяву. Кинжал будете держать вы. Дракон, сосущий правую грудь – это ваш сын, левую – ваша дочь. Внук, родившийся от дочери, будет таким же отважным и грозным, как вы! Ваш род возрастет! Вырастут внуки – настоящие богатыри! И этот поединок прибавит славы вашему имени!

Предсказание султана свершилось точь-в-точь. Когда Жанибек, сев на грудь Жайсана, приставил кинжал к горлу, калмыцкий батыр попросил пощады:

– Сохрани мне жизнь! Пощади душу! Ведь и у меня есть дети!

Поверив в искренность слов поверженного врага, Жанибек не стал лишать его жизни и привел к Абылаю.

– Пощадить его? – спросил Жанибек.

Султан легким кивком головы дал свое согласие.

Но, увы! Коварный Сыбан Раптан не сдержал своего слова. Вместо того, чтобы признать свое поражение, он вероломно начал очередную войну. Враг он и есть враг.

И следующее событие, о котором пойдет речь, происходило во времена «Великого бедствия казахов», именуемого в народе «*Ақтабан шүбырынды, Алқакөл сұлама*», у реки Буланты.

Именно здесь и состоялась ожесточенная битва с калмыками, верх в которой одержали казахи. Радуюсь победе, казахские воины устроили себе несколько дней отдыха. Однако враг еще не был окончательно разбит. Все еще длился совет батыров, раненые отправлялись по своим аулам, тела погибших воинов предавали земле.

Устав от каждодневных забот, Жанибек спал крепким сном в своем шатре. Вдруг он почувствовал, что кто-то ползет по его телу, открыл глаза и увидел на груди длинную пеструю змею, подбирающуюся к голове. Любое его движение могло привести к смертельному исходу. Мгновенно мелькнула мысль: притвориться мертвым и лежать неподвижно, пока полосатая тварь не уползет подальше.

Как говорят, опасность приходит оттуда, откуда ее не ждешь. Полосатая змея медленно двигалась вверх и, добравшись до подбородка, начала просовывать свою голову в рот Жанибеку. В этот миг батыр сомкнул зубы, откусил голову змее и выплюнул ее.

После этого батыр еще долго ощущал во рту привкус змеиной крови.

Позже Жанибека долго мучила оспа. Весь покрытый язвочками, он страдал от зуда и боли. Но, несмотря на это, в течение полугода он ни разу не притронулся к своим болячкам. Терпение возымело свое. Он выздоровел и навсегда избавился от своей болезни.

Щедрый подарок

Как-то батыры Кабанбай, Богенбай и Жанибек собрались в поход, чтобы возвратить угнанных калмыцкими барымтачи лошадей. В пути они заметили следующего за ними по пятам жигита на пегом коне. Батыры не обратили на него внимания, считая его случайным попутчиком. Вскоре они осадили коней, спешились и, вытащив из коржунов съестное: казы-карта, жал-жая, вареное мясо, решили подкрепиться. Они вырыли ямку для очага, подогрели пищу в казане и стали есть. Поодаль от них спешился и незнакомец. Однако без приглашения он не смел подойти к их очагу. Завершив трапезу, батыры положили в чашку еды и предложили ее жигиту. Некоторое время они провели за беседой и только за полночь уснули.

Жигит съел половину оставленной ему еды и, отойдя поодаль, тоже устроился на ночлег. Проснувшись утром, батыры увидели, что из оставленного незнакомцу мяса съедена лишь половина. Думая, что жигит – пугливое, забитое существо, они подозвали его и велели присмотреть за лошадьми, наказав, чтобы он тотчас привел их, если услышит со стороны ущелья зов «Жанибек!» А сами след в след спустились в ущелье. Ущелье завершалось глухим тупиком, видимо, здесь калмыки спрятали угнанные табуны. Так оно и было: в темноте едва заметной постороннему глазу расщелине находилось много лошадей. Где скот, там, как правило, должна быть и охрана. Не успели подумать об этом, как лицом к лицу встретились с группой всадников. Предстояло сражение.

Согласно традиции, на поединок выходит самый младший по возрасту воин, поэтому пришлось выступить Жанибеку. Трудная была схватка. И тут раздался зычный голос батыра Кабанбая: «Жанибек!». Услышав свое имя, воодушевленный Жанибек Шакшак собрал все свои силы и опрокинул соперника.

Когда он покончил с батыром, остальные калмыки в страхе разбежались.

Услышав условный сигнал, подоспел и незнакомый жигит с лошадьми батыров на поводу. С добычей возвратились назад батыры Богенбай, Кабанбай, Жанибек. Решив, что в успехе дела есть и небольшая заслуга незнакомого жигита, батыры отдали ему целый табун лошадей. Никогда раньше не видевший столь щедрого подарка, жигит совершенно ошалел от счастья, растерялся, засуетился и, даже не поинтересовавшись именами своих благодетелей, ускакал со своим табуном и вскоре растворился в степи.

И только отъехав на значительное расстояние, жигит пришел в себя.

– Надо же привалить такому богатству! А что я такого сделал, чтобы заслужить его? Говорили, будто батыры самые настоящие, вот я и поплелся за ними из любопытства. Подойти поближе к ним духу не хватило. А что я скажу, если завтра кто-нибудь спросит, откуда столько лошадей, не ворованные ли, кто дал их тебе?

Так размышляя, жигит повернул табун назад в поисках своих благодетелей. Нахлестывая коня, вскоре он наткнулся на батыра Жанибека и поведал ему, почему он очутился возле них.

Говорят, что на это батыр сказал следующее:

– Вот теперь я понял, что ты не забитый юнец, никакой не глупый, а смысленный малый. Хорошо, что вернулся узнать, с кем имел дело. Я уже было подумал: мало ли казашек рожают мальчишек, наделенных силой, но обделенных умом. Вот и решил при следующей встрече без жалости вздернуть тебя на свое копьё. Но, оказалось, что этому не бывать. Запомни и по возвращении в свой аул скажи, что лошадей тебе дал сам батыр Кабанбай Каракерей.

Обрадованный жигит погнал табун в свой аул.

Бегущему в страхе врагу и баба кажется батыром

После смерти калмыцкого контайчи Сыбан Раптана между двумя его сыновьями начались распри. Главным претендентом на ханство считался младший сын Сыбан Раптана – Шоно Лаузан, рожденный от дочери контайчи едильских калмыков, который во времена «Великого бедствия казахов» стоял во главе калмыцких войск. Однако тронем завладел Калдан Церен – сын от старшей жены. Обиженный Шоно с преданным ему десятитысячным войском направился через казахские земли к своим нагаши на Едиле. Но батыр Жанибек ставит засаду и разбивает его войско.

Шоно выходит на поединок с Жанибеком, который завершается победой казахского батыра. Жанибек мощным ударом сбивает противника с седла и, приставив к его груди свое копьё, собирается уже вонзить его во врага, как вдруг Шоно говорит ему:

– Ну, убей меня! Бегущему в страхе врагу и баба кажется батыром!

Собираясь отправить душу своего смертельного врага на тот свет, Жанибек внимает сказанным словам, дарит Шоно жизнь и позволяет ему уйти.

Тяжело раненный Шоно лишь с десятью воинами прибыл к своим родственникам.

Пять братьев Бармак

Эти тяжелые времена были наполнены радостями побед и горечью поражений.

Как-то батыр Бармак, находясь в пути, неожиданно попал в руки калмыков. Смертельные враги, не раз испытывавшие на себе силу оружия казахского батыра, начали выкрикивать:

– Убить его надо!

Калмыцкий хан велит доставить батыра в свою орду и приступает к расспросу. На что Бармак отвечает:

– Сами судите! Я простой безоружный путник и пришел к вам не воевать.

Узнавшие Бармака калмыки тотчас загалдели:

– Да разве мало крови он нам попортил? Кровь за кровь! Кончать его надо!

Тогда хан спрашивает у Бармака:

– Сколько у тебя братьев?

– Нас пятеро братьев: Жанибек, Жауке, Есет, Сарке и я, – отвечает Бармак без тени страха.

Услышав это, калмыцкий хан испуганно говорит:

– Ну, убьем его! Ведь потом покоя не будет от его братьев, таких, как Жанибек. Одарите его как следует и проводите с миром.

Так живым и здоровым да еще и с дарами вернулся из плена казах Бармак. Поговаривают, мол, от девушки калмычки, преподнесенной ему в качестве дара, и берет свое начало нынешняя династия рода Карабак Уаков.

Что же касается слов «нас пятеро братьев», прозвучавших из уст батыра Бармака, то на самом деле все обстояло иначе. Сам Бармак – представитель одного из родов Среднего жуза – Уак.

Батыр Жанибек и Жауке – выходцы из аргынов. Есет – из рода тамма и Сарке – из табынов, оба они из Младшего жуза.

Деление народов на жузы необходимо для того, чтобы люди знали свои корни, откуда они родом. Наши предки объединялись при опасности нападения врага, общими усилиями противостояли ему и изгоняли захватчиков со своей земли. Видимо, неспроста появилась поговорка: «Одинокий становится пищей для волков». Только благодаря согласию, взаимопониманию, царившему среди казахов, наши предки сумели с честью отстоять такую огромную территорию нашей страны. Мирным путем они определяли и согласовывали границы своих территорий. Любые разногласия решались с участием биев и батыров, уважаемых в народе людей.

Судя по народным преданиям, на всем протяжении реки Торгай некогда существовало море. Начинающиеся у берегов реки и утопающие в миражах до самого горизонта пески называются Тосын. Говоря о благодатных тех местах, в народе до сих пор бытует поговорка: «Люди на Тосыне, как у бога за пазухой».

В незапамятные времена этими землями владел некий калмык по имени Тосын. Видимо, этим и объясняется название местности. Немало древних поселений в своих наименованиях хранят память об историческом прошлом народа. К примеру, Каскелен, Шамалган, Боралдай когда-то были названы именами калмыцких батыров.

Жанибек боролся за родную землю не только силой оружия и отвагой, но и отстаивал ее где умом, а где и хитростью. Как-то Жанибек, державший путь издалека, остановился у того самого калмыцкого бая Тосына. Бая не оказалось дома. Его жена принесла и поставила перед гостем чашку густого айрана. Жанибек вытащил из-за пояса нож и, располозовав айран, вернул чашку хозяйке, затем сел на коня и покинул дом калмыка. Удивленная поступком гостя жена рассказала обо всем происшедшем мужу. На что бай Тосын сказал: «Все ясно. Этим Жанибек дает понять, чтобы я оставил это место, в противном случае именно так он порубит моих людей». Он спешно разобрал юрту и со

своим аулом и скотом покинул эти места. Оказывается, после ухода бая Тосына калмыки больше не осмеливались появляться в этих краях.

Батыр освободил не только земли, занимаемые калмыцким баем Тосыном, но и в целом Торгайскую степь и по справедливости заселил народом территорию на всем протяжении реки Торгай. Оценивая владения Тосына, он выразился так: «Вода здешняя со вкусом меда и полна жирной рыбы».

Как-то обращаясь к уважаемому в народе Досану, который своими добрыми делами заслужил и его признание, Жанибек говорит:

– В тяжелые лихие годы тебе не раз приходилось носить на себе мой боевой шатер, в благодарность за это дарю тебе земли, переселяйся со своим родом и владей сосновыми лесами Наурызыма.

Богатырю Жанузаку – сыну Алдияра, который пользовался его уважением, батыр предложил:

– Переселяйся со своим родом Таз в благодатные для скота, богатые травой и водой места, владей на благо лесистым краем Обаган.

Во владение роду Канжыгалы, откуда вышел батыр Богенбай, предложил взять Сарыкол, Кошебе. Улусу Керей – места Узынкол. Айдерке – территорию Жаркол. Жылкайдарам – Шобан. Династиям Апай, Жолдыбай, Сарыжетим – земли вдоль Сарыкопы. Кыпчакам – земли между Жыланчик и Улытау. Предоставил земли и родам Сибан Керей и Уак.

В те времена не существовало таких понятий, как район или область. Поэтому вполне понятно, что выделение земель по закону предков являлось наиболее справедливым и устраивало всех.

Признанный вождь народа

Много прошло времени после Аныракайской битвы, когда Жанибек в сопровождении верных сарбазов отправился к Толе-би в Каратау. Казахи говорят: «Совет никогда не бывает лишним». Следуя народной мудрости, Жанибек решил встретиться с этим особо уважаемым людьми человеком, побеседовать с мудрецом о судьбах народа.

В ауле Толе-би Жанибек пробыл целую неделю. За эти дни они обсудили немало проблем, волновавших их обоих. Вспоминая историю казахов, анализируя успехи и неудачи, они попытались найти тот единственно верный путь, который помог бы преодолеть трудности и улучшить жизнь народа.

Если вдуматься, то, оказывается, после Аз-Тауке сложно было найти более достойного человека, который бы всей душой болел за судьбу кочевников.

Наиболее влиятельной личностью был хан Абулхаир. Он являлся потомком Аз-Жанибека. Однако о нем существовало мнение, что он заботится лишь о себе да о судьбе своего трона. Хан Самеке не выделялся широтой кругозора: его заботили малозначимые проблемы и житейские мелочи. Похож на него был и Абильмамбет. По стечению обстоятельств под его властью находились остальные жузы. Однако он так и не смог объединить народ на борьбу с врагами.

«Великое бедствие», в первую очередь, явилось тяжелым ударом для государственной системы казахов. От сообщества народов Алты Алаш отделились кыргызы. В столь тяжелые для народа времена из-за ошибки, допущенной Абулхаиром, отдалились и каракалпаки. Казахи вынуждены были лишиться нескольких своих развитых, богатых и густонаселенных городов. Угасли очаги торговли. Были

разрушены мечети и медресе, являвшиеся духовными центрами, люди стали отдаляться от религии, исчезали богатые библиотеки с религиозно-философскими трудами, историческими книгами и летописями. Многие неизвестные нам книги, находившиеся в мавзолее Хазрет Султана в Туркестане, в городах Сауране, Шымкенте, Сайраме, Ташкенте, Сузаке были сожжены. Уцелевшее из этого бесценного духовного наследия было разграблено и уничтожено. В результате разрушения городов бесследно исчезли и произведения искусства, различные изделия и украшения, а также многие ценные предметы быта.

Эта трагедия приостановила рост численности населения Алаш на два века. Казахи, некогда беззаботно кочевавшие на степных просторах, богатых травами, озерами и живностью, стали погибать от рук захватчиков, умирать от голода и нужды. Народ терпел унижения. Ранее никогда ни перед кем не преклонявший голову с этого времени он начал терять эти прекрасные качества. В сознании казаха поселился страх перед чужой силой, подражание чужому искусству, восхваление чужого, нежели собственного. Изменился характер, поведение, восприятие мира у некогда гордого, честолюбивого казахского народа. Но самое страшное – он потерял свою независимость.

Говоря о тяжести этого периода для народа, Толе-би был совершенно искренен, доверительно раскрыл перед собеседником все сокровенные тайны своей души. Он прекрасно знал, что батыр Жанибек Шакшак был особенным человеком, степенным, мудрым, искренно радеющим за благо казахского народа. Он также знал, что батыр Жанибек был из тех глубокомыслящих людей, которые понимали, что для победы над врагом недостаточно одной лишь силы. Необходимо обладать гибкостью ума, острым языком и хитростью. Хан понимал, что единственным спасением для народа в пору испытаний является его согласие и единство, представляющие грозную силу, способную дать отпор любому противнику.

Весной 1739 года тридцатитысячное калмыцкое войско под предводительством Септена, переправившись через Иртыш, хлынуло в Сарыарку. Септен являлся одним из видных полководцев контайчи Калдан-Церена, особо почитаемым военачальником. Вступив на казахские земли, вражеские войска никого не щадили на своем пути: сжигали аулы, убивали людей, оставшихся в живых тысячами уводили в плен, угоняли имеющийся скот.

Объединенные войска Жанибека, Абылая, султана Барака и Абилямбета остановили войско Септена в долине Жошы у подножия Средних гор. Джунгарский нойон трусливо отступил, не посмев вступить в открытую схватку. Преследовать его казахи не стали. Позже калмыки прислали своих послов с требованием, чтобы Средний жуз подчинился Джунгарскому ханству. Казахи отказались выполнять их требование.

Нойон Септен побаивался батыра Жанибека, так как не раз терпел от него поражение. Говорят, даже сам признавался, что Жанибек более опасен, когда находится дома. Но однажды Септен сам полез на рожон, говоря:

– Если уж так силен Жанибек, то пусть победит меня. Если не способен победить, то пусть покорится!

На что Жанибек с усмешкой заметил:

– А разве я не желаю сразиться с ним? Вон сколько дней и ночей не смыкаю глаз. Хочу выяснить, кто из нас сильнее, а он все трусливо убегает.

Война между калмыками и казахами, длившаяся около века, явилась самым тяжелым периодом в жизни казахского народа особенно во времена правления ойротских ханов Сыбан Раптана и Калдан Церена.

Не только народ, но и казахские батыры нуждались в надежном покровителе, способном заступиться и защитить их. Все понимали, что таким защитником может стать соседнее русское государство. Жанибек уже давно втайне вынашивал эту мысль.

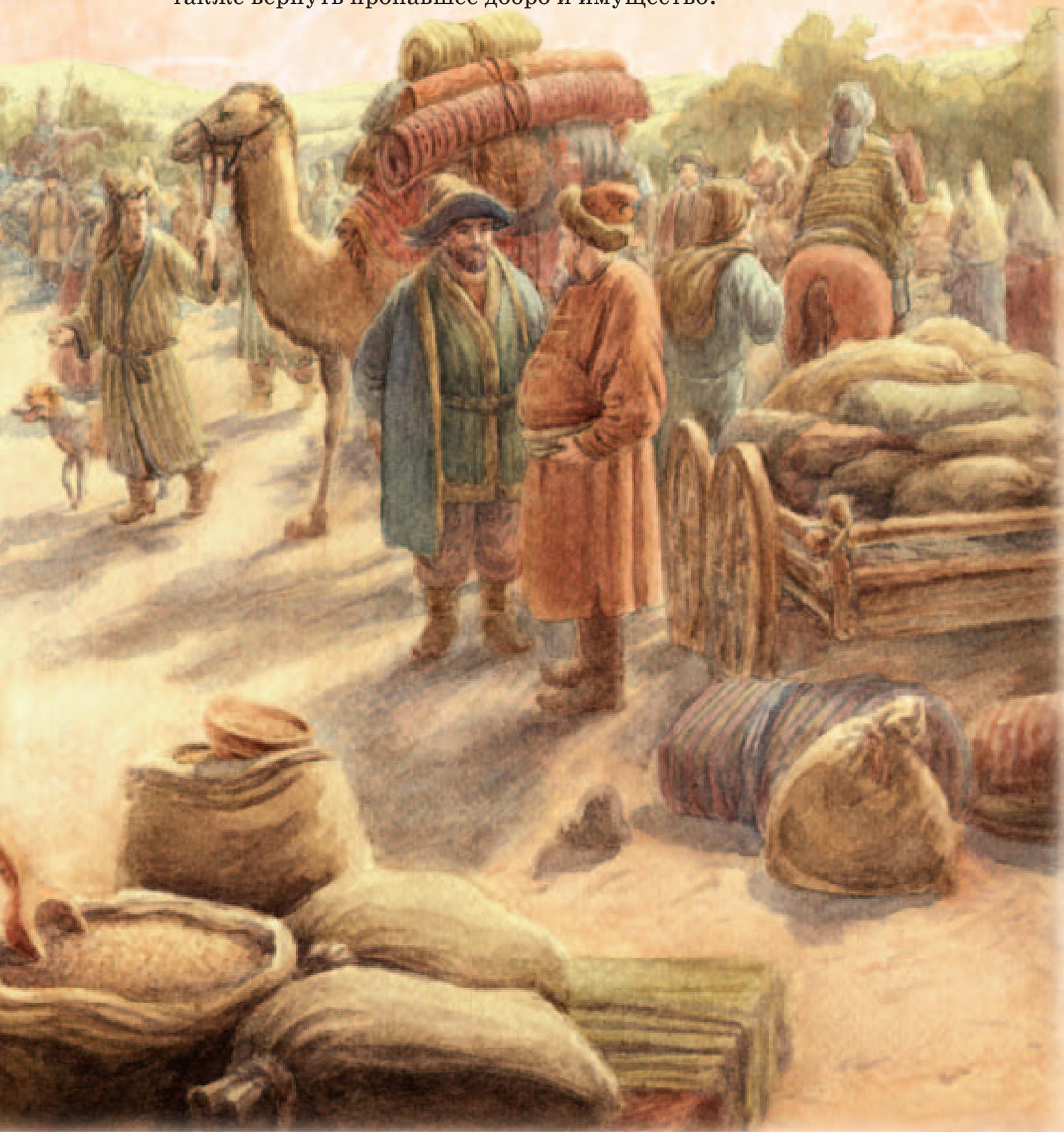
Наконец, батыр решился и 22 сентября 1739 года написал письмо в управление внешних дел царской России.

Его предложения имели прямое отношение к событиям, происходившим в обоих государствах.

Жанибек просил разрешения на переселение казахов на берега Жайыка, налаживание свободных торговых отношений с

жителями близлежащих русских городов. Незадолго до этого Жанибек получил сообщение от князя Урусова о том, что русский караван, следовавший из Сарсая в Бухарское ханство, был ограблен. Князь требовал найти и наказать виновных, а также вернуть пропавшее добро и имущество.

В своем послании Жанибек ответил, что требование князя он выполнил, забрав у батыра Койгельды награбленное имущество.

И, наконец, он просит дать разрешение на выкуп и возвращение двенадцати пленных казахов в родные края, которых держат в рабстве казаки, живущие на Жайыке, купив их у волжских калмыков.

Напомнил он и о том, что казахи терпят постоянную нужду в зерне. Ибо, ведя кочевой образ жизни, они, не считая малой части, в большинстве своем не имеют возможности заниматься земледелием. Поэтому можно было бы наладить взаимовыгодный обмен товарами: русские – зерно, а казахи – шкуры, шерсть, мясо.

Помощь России казахам в их борьбе с джунгарами была жизненно важным вопросом. Немало усилий приложил Жанибек в разрешении именно этой задачи.

Удобный случай наконец представился 7 августа 1740 года. Возглавляемая Жанибеком группа казахских биев, среди которых были султаны Нуралы, Ералы, останавливается в семи километрах от военного лагеря начальника Оренбургской комиссии, генерал-лейтенанта В.А. Урусова.

Это была пора особой жестокости калмыков. Чувствуя безнаказанность, они совершали частые дерзкие набеги на казахские аулы. Война то утихала, то разгоралась с новой силой, изматывая силы народа. Болевший за судьбу своего народа батыр задумал сделать Россию своим защитником и использовать ее в качестве грозной силы в войне с калмыками.

Вечером в шатер султанов с визитом пришли представители князя – прапорщик Гладышев с переводчиком и князем Максютовым.

На следующий день прибыли двенадцать драгун во главе с поручиком Сперидовым, которые доставили предложение князя. Затем Сперидов обратился к батыру Жанибеку:

– Князь выражает вам свое особое расположение. Его Высокоблагородие интересуется, кого из ваших султанов Вы пожелаете видеть на приеме?

– У меня нет никаких секретов, пусть примет нас всех, – ответил ему Жанибек.

Затем батыр Жанибек сказал, что собирается преподнести князю в качестве дара коня, и показал на красивого вороного скакуна, стоявшего поодаль на привязи. С нескрываемой завистью и поручик, и драгуны стали разглядывать аргамака.

На следующий же день поручик увел скакуна, чтобы вручить князю. После этого князь принял казахских султанов, батыров и биев. Состоялся торжественный парад, в котором приняли участие двадцать офицеров и шестьдесят драгун. Семь пушек салютовали в честь гостя.

Хотя Жанибек и согласился быть под покровительством России, однако оставался верным политике хана Абылая.

Вглядываясь в манеры и внешность князя Урусова, Жанибек старался обнаружить черты, выдававшие его тюркское происхождение. Как ему говорили, этот молодой генерал – потомок святого Малимнияза, который был дервишем в Туркестане. От него рождается Куттыкия. А от Куттыкии происходит батыр Едиге, который в 1482 году берет в осаду Москву, а в 1498 году от его рук погибает хан Золотой Орды Тохтамыш. От потомка Едиге – Смаила на свет появляется Урус.

Выходит, наш князь Василий Алексеевич Урусов и есть представитель этого рода. Однако приветливо встретивший его голубоглазый, рыжебородый, статный генерал в изящной военной форме приятно удивил его. Кто же мог подумать, что потомок легендарного казахского батыра Едиге будет выглядеть как настоящий русский!

О времена! Сегодня он занимает высокий пост, верой и правдой служит белому царю.

– Его Величество хорошо знает Вас, – заметил генерал, усаживая гостя по правую руку.

После небольшой паузы Жанибек сказал, что уведомил казахских батыров не трогать русских купцов, направляющихся по своим торговым делам в Среднюю Азию.

– Очень правильно сделали! Скоро наладим торговлю и с казахской степью! – сказал Урусов.

– Да, – заметил Жанибек, – трудно сдержать обиду, когда мимо везут столько добра, чтобы продавать все это узбекам. Видимо, поэтому они срывают свою злобу на русских караванах.

Урусов, как бы соглашаясь, улыбнулся.

– А где сейчас находится Омбы? – спросил Жанибек, поддерживая разговор.

Этот вопрос означал: «Как обстоит борьба за трон у калмыков?»

– Они же по другую сторону Едиля, – коротко бросил князь, ничем не выдавая, что ему понятен интерес Жанибека.

Именно в это время донской Омбы на правах наследника джунгарского контайчи вел ожесточенную борьбу за ханский трон.

– А где находятся Абилямбет и султан Абылай? – выдержав паузу, спросил Урусов.

– По моим сведениям, они должны появиться здесь в ближайшие дни, – ответил Жанибек.

Затем разговор коснулся освобождения пленных казахов, удерживаемых русскими и казаками. Жанибек заметил, что в случае набега кызылбаши* на Астрахань, он постарается захватить их караваны. Кроме этого он попросил помощи в обучении казахских жигитов военному ремеслу.

Вскоре Урусов дал понять переводчику, что он желает вести разговор с Жанибеком с глазу на глаз. Они остались наедине. В разговоре, происходившем той ночью, батыр старался быть совершенно откровенным.

– Я человек, привыкший говорить правду в лицо, я не умею льстить и поддакивать, – сказал Жанибек. – Раз дали клятву, то ее следует выполнить, нарушение данного слова – смерть.

Князь остался доволен своим собеседником. Он поразился его честности, открытости, точности и глубине его мыслей.

Высоко оценив справедливость Жанибека, он выразил готовность построить батыру дом в Оренбурге, если он пожелает этого. Но Жанибек вежливо отказался и от дома, и от всяких почестей и наград...

*Кызылбаши – персы.

– Жанибек, что если я обращусь к Его Величеству с просьбой присвоить Вам высокое воинское звание «Тархан»? – предложил Урусов.

– У нас, если уж предлагают что-то другу, то об этом не спрашивают, – заметил Жанибек.

После минутного замешательства Урусов сказал:

– Пойми меня правильно, батыр, звание «Тархан» поднимет твой авторитет в народе, заставит врага признать твоё превосходство. Одна бумага, заверенная самим царем, возвеличит твоё имя на всю степь.

Задумавшись, Жанибек заметил:

– Да, оно и верно, если опора прочна, то и стоять будешь крепко!

От князя Жанибек вышел далеко за полночь. Расставание двух хорошо понимавших друг друга людей было трудным. В память о встрече князь подарил Жанибеку саблю в инкрустированных серебром ножнах, револьвер, чернобурку.

В почетном сопровождении шести лихих русских драгун, тревожа и будоража дремлющую тишину степи, возвращался батыр обратно.

К сожалению, это была их последняя встреча. В 1742 году Урусов умер после продолжительной болезни.

В том же году извещенный о поездке Жанибека в Туркестан военачальник джунгарского войска Септен через своего гонца пригрозил:

– Пусть пришлет аманат*, иначе войной пойду.

На что Жанибек отвечает:

– Передай Септену, пусть теперь навсегда забудет об аманате. Пугать войной вовсе ни к чему. Если он опирается на Китай, то у нас тоже есть надежная опора – Россия. Пусть запомнит, как только сунется к нам, так тут же его заруют в землю ядра русских пушек.

Именно так батыр Жанибек Шакшак впервые в истории казахов дал достойный отпор грозным и воинственным джунгарам, постоянно нарушавшим покой народа своими жестокими набегами.

*Аманат – обычай присылать в залог людей в знак верности.

После этого Септен прекратил посылать своих гонцов с угрозами. Это обстоятельство обрадовало даже самого батыра Жанибека.

В 1741 году джунгарский контайчи Калдан-Церен отправляет посла к генерал-губернатору Сибири Бутурлину с письмом такого содержания: «Ваше высокоблагородие! Нас не перестают беспокоить казахи, это, в основном, казахские роды, не признающие Его Величество белого царя. Поэтому хотели бы знать от Вас, какие именно казахские роды перешли под власть великой империи, а какие нет...»

На что Бутурлин уклончиво отвечает:

– Об этом в подробности ведают высокие чины в Оренбурге. Я знаю лишь то, что под власть Его Величества перешли казахи Младшего жуза. О переходе казахов Среднего жуза я не слышал.

Истолковав слова генерал-губернатора как намек, что «с казахами Среднего жуза можете делать что угодно, мы вмешиваться не собираемся», джунгарский контайчи уже в феврале того же года с огромным войском ступил на казахские земли. Наступление было столь стремительным, что в течение месяца его войска достигли берегов Тобола. Джунгары искали хана Среднего жуза Абильмамбета.

Проводником у них был неизвестный пленный казах. Пообещав привести джунгар прямо к самому хану Абильмамбету, он повел их в Сибирь. Оказавшись в плену сибирских снегов и морозов, джунгары поняли, что их обманули. Проводника сожгли заживо. К сожалению, имени этого смелого человека не осталось в истории.

В это время Жанибек несколько раз посылал гонцов в Оренбург, прося помощи и защиты. Однако ничего не последовало. Когда Септен достиг Сарыарки, на его ставку напал батыр Олжабай с малочисленным отрядом казахских воинов. Темпы наступления джунгар немного ослабли. Однако сил у казахов, чтобы отогнать врага, было недостаточно.

В начале января 1742 года между калмыками и казахами состоялись переговоры. С обеих сторон участвовало до двадцати

человек: калмыков возглавлял Бодансияк, казахов – Жанибек. На сей раз калмыки требовали больше чем прежде: они хотели, чтобы каждый очаг, каждый род выплачивал бы налоги.

Жанибек ответил отказом. Единственным положительным моментом этих переговоров было решение освободить казахских пленных.

Со стороны калмыков было еще одно условие, они требовали вернуть им скрывающегося среди казахов их беглого соотечественника по имени Карасакал. Карасакал был выходцем из волжских торгоутов и считал себя наследником контайчи. За эти притязания его жестоко преследовали джунгарские власти. Сам Калдан-Церен требовал выдать ему этого гордеца-самозванца. Подводя итоги переговоров, Жанибек сказал:

– Мы подданные русского царя. Поэтому, не посоветовавшись с высокими царскими чинами, принимать какое-либо конкретное решение не можем. Вы быстрее получите пулю или копьё в грудь, нежели моего сына в качестве аманата.

Удивленные находчивостью Жанибека калмыцкие послы лишь в недоумении покачали головами.

Когда Калдан-Церену передали слова Жанибека, тот взбесился от ярости.

Мудрость и находчивость Жанибека, проявленная на переговорах, еще больше укрепила его авторитет не только среди казахов, но и среди врагов.

С 20 августа по 7 сентября 1742 года в местечке Тасоткол недалеко от Орска состоялась представительная встреча с участием Оренбургского генерал-губернатора И.И.Неплюева. В ней, кроме казахских послов, приняли участие джунгары и каракалпаки.

Касаясь отношений казахов и джунгар, Неплюев сказал, что вмешательства калмыков и требования их предоставлять аманат, а также платить налоги – действия, выходящие за рамки законов. Он также доказал, что это является ничем иным, как попыткой раскола только что начинающейся развиваться исторической дружбы казахов и русских.

– Казахи, пользуясь нашими частыми стычками с китайцами, постоянно совершают набеги, грабят нас. Поэтому мы и

потребовали их детей как залог мира и спокойствия, – изворачивались калмыки.

– В отношении России мы честны, – сказал хан Абулхаир.

– И слова эти не только одного батыра или хана, а слова, выражающие интересы всего казахского народа, – добавил Жанибек.

– Казахи забывают о своих обещаниях, – продолжали калмыки, пытаясь перетянуть Неплюева на свою сторону.

Однако в этом споре победа была на стороне казахов. После ухода калмыков Неплюев выразил просьбу, чтобы казахи не кочевали близко к землям калмыков, башкир и казаков, живущих вдоль берегов Жайыка.

Жанибек возразил:

– Но ведь близость казахов к русским городам способствовала бы развитию торговли между ними, их взаимному сближению.

Но этим словам батыра не придали особого значения.

Именно на этой представительной встрече И.И. Неплюев известил его участников о том, что батыр Жанибек удостоен звания «Тархан».

Столь высокое по статусу воинское звание приравнивало Жанибека к ханам и правителям, возвышало его над мелкими чиновниками, торе-султанами. Оно давало ему возможность в качестве государственного деятеля принимать активное участие от имени своего народа в решении вопросов, возникавших между Россией и казахами.

Свой интерес имелся и у русских политиков. Они прекрасно понимали, что ханское правление у казахов постепенно теряет свою значимость, а власть все мельчает. К тому же российским политикам необходима была весьма уважаемая в народе личность, человек, обладающий особыми полномочиями, чтобы через него оказывать влияние на весь казахский народ.

Однако Жанибек приложил все свои силы и умения для того, чтобы его народ был ничуть не хуже других. Предательства с его стороны не было.

Вторым столь почетным званием был удостоен знаменитый Есет Кокиулы. Позже это почетное русское звание было присвоено еще шестерым казахам. Среди них был и старший сын Жанибека – Даутбай. Видимо, про него и сказано: сыновья растут, глядя на отцов.

Спустя некоторое время Жанибек был включен в число послов, направляемых в Джунгарию. На этот раз он приложил все силы для освобождения султана Абылая из калмыцкого плена.

Батыр Жанибек одним из первых встретил делегацию Миллера, направлявшуюся из Орска к джунгарскому контайчи. Уставшие от дороги послы расположились на отдых в его ауле.

Стремясь завоевать расположение российского посла, Жанибек устроил прием в духе лучших казахских традиций, во всей полноте раскрывая перед ним радушие и дружелюбие казахского народа. Они много беседовали, обсуждали насущные проблемы.

На протяжении всего пути к джунгарской границе Миллер со своими людьми останавливался в аулах батыров Утемис, Сары, Наймана Бокай, Жарылгап, Кара-би, бая Алтая, мырзы Келдибая из рода Уйсун, батыров Наурызбая, Мамбетбая, Кожакелди, Боранбая, Жанжигита, Токтабая.

Даже враги Жанибека отдавали должное его уму и поступкам. Один из них джунгарский нойон Калдан-Церен задумал побольнее задеть самолюбие прибывшего в качестве посла казахского батыра.

Обращаясь к своей старшей жене, слывшей провидицей, он сказал:

– Как я понял, казахи высоко превозносят Жанибека. Если поглядеть, то, кажется, ничего такого в нем нет. Но стоит вымолвить при нем что-нибудь нелестное о народе его, как он тут же вспыхивает, словно спичка. Так и готов схватиться с тобой. Бывало, спросишь у пленного, какой он из себя, этот ваш Жанибек, как у того, словно у шамана, призывающего своих духов, начинают бешено сверкать глаза. Что в нем такого сверхъесте-

ственного? Можешь растолковать, ты же ведь разбираешься в людях?

Байбише, зорко следившая за поведением батыра во время его пребывания в ставке, ответила:

– Да, этот человек обладает чем-то таким, чего нет у других. Не обделен он мужеством и отвагой. И видом своим грозным может любого в землю вогнать.

Услышав это, калмыцкий контайчи чуть не лопнул от злобы. Весь затрясся в неопишуемой ярости.

Байбише удивилась столь неожиданному поведению мужа. Но ведь он сам попросил сказать, кто он, этот Жанибек.

Сойдя со своего трона, Калдан-Церен покружил по залу и, стремительно подойдя к байбише, сказал, как отрезал:

– В таком случае, на этот раз я его убью.

Жена, подняв глаза на мужа, коротко сказала:

– Мой повелитель, нельзя поступать так опрометчиво. Именно о таких, как Жанибек, говорят: «Пуля его не берет, в огне не горит и в воде не тонет».

Разозленный таким ответом Калдан-Церен, топнув ногой, вышел наружу.

– Неужели Жанибек на самом деле настоящий вождь?

Провидцев, предсказателей среди казахов было немало. Один из современников Жанибека, батыр по имени Тилеули, оказывается, о нем сказал следующее:

– Слишком высоко поднята голова его, так что сразу чувствуешь свою ничтожность. От таких лучше держаться подальше. Однако он обладает такой притягательной силой, что это даже сверхъестественно. Видимо, в этой жизни я больше не увижу человека более грозного, чем Жанибек.

Действительно, Жанибек был незаурядной личностью. Пользовался большим уважением и среди сородичей. Как-то один из самых почитаемых казахских биев – справедливый Каздауысты Казыбек би – ответил Абильмамбету, который пожаловался ему на грубость Жанибека:

– Если начистоту, то Жанибеку все равны: и торе, и чернь. Почему он не всецело с торе? А потому, что не торе представ-

ляет народ, не торе пригнал с собой столько скота, не торе принес с собой столько земли казахской. Почему не следует опрометчиво за черню? А потому, что хорошо представляет, как справляться с богатством, как руководить людьми. Для этого необходимо иметь незаурядный ум, навык и силу. Мне пришлось видеть немало казахов, и среди них всеми тремя качествами обладает только Жанибек. Поэтому и торе, и простой люд нуждаются в Жанибеке.

Личность Жанибека была такой влиятельной, что против своей воли ему вынуждены были подчиниться и завистники, и соперники.

Известно, что казахи даже перед ханом не склоняются, если тот не был честен, справедлив, не обладал мудростью, если у него не было человеколюбия, в нем преобладали жестокость и низость.

Следуя народной мудрости «голову отсечь можно, но не язык», казахи всегда говорили открыто, в лицо кому бы то ни было.

Вся жизнь Жанибека представляется мудрым назиданием молодому поколению.

«Айналайын, несмышленные вы мои, вот такими были ваши предки». Но жизнь не стоит на месте. Видимо, неспроста появилась поговорка: «Разве не вырастет молодая поросль, не разбогатеет бедный?»

Благодаря таким, как Жанибек, у молодежи есть возможность искренно любить свой народ, гордиться и почитать своих предков. Что в том зазорного, если подросток скажет: «Я казах, потомок предка Жанибека?!»

Признанный шешен

У казахов есть известная мудрость: «Народ не бывает без батыров, батыр не бывает без народа». Это понятие европейцы объясняли бы долго, а казахи – посредством одной искрометной, полной мудрости фразой. Среди казахов было немало и краснобаев: и батыры не были обделены красноречием, и матери были остры на язык. Знать родной язык – это святая обязанность каждого. Общение, мышление ребенка на родном языке – это залог жизни нации. Умение вникать в смысл слова, использовать его по назначению возвеличивает человека. Этим и объясняется поговорка: «Цыпленок мой, знай свой язык». Родной язык казаха – бездонный океан.

Жанибек был широко известен в народе не только воинскими подвигами, но и своим красноречием. Неспроста он родился в период знаменательных войн казахского народа с джунгарскими захватчиками. Он не уставал говорить своим соратникам: «В бою стремись не к добыче, а к успеху. Добыча никуда не денется после победы». Жанибеку принадлежат и слова: «К чему геройство, если кругом царит справедливость?»

Действительно, если бы всегда существовала справедливость, то и войн не было бы. А без войны не было бы и батыров.

В народе немало сохранилось мудрых высказываний нашего предка Жанибека, которые передаются от отцов к детям и являются поистине бесценным сокровищем для сегодняшней молодежи. Сколько глубоких мыслей и раздумий содержится в одном из таких высказываний батыра:

Из трусливого изберешь хана – пользы никакой,

Из невежды изберешь бия – назидания никакого,

*Молиться будешь безбожному – святости никакой,
Даже дар божий не возымеет действия,
И дар человека не осчастливит тебя.*

Вот, к примеру, чеканные, словно вырубленные мечом, острые и проникновенные слова батыра:

«Жигит, чья доля быть бедняком, продаст кобылу, сядет на коня.

Жигит, чья доля остаться одиноким, продаст родных и станет чужим».

На самом деле получается так. Продать кобылу – остаться в будущем без жеребенка, без потомства, наговаривать на родных – отдалиться от них.

Или же батыр говорит: «В спутниках хорошего – слова, у плохого – трава». «Повелевать легко, а сказать нужное – трудно», «Не убегающий враг еще силу имеет, а заросли колючки – шмелей», «Верблюд чесотку передает своему верблюжонку», «У того, кто гонит вола в гору, жизнь становится в тягость», «Сильный говорит о своих издевательствах над слабым, а слабый – об оскорблениях сильного», «Народ приятен своей молодежью, гора – камнями, а чаша – мясом», «Если есть народ, то будет и батыр, без народа батыр обречен на бесславие».

В памяти народа сохранилось достаточно сказаний о батыре Жанибеке. В них также содержится немало назиданий, весьма поучительных советов.

Как-то Абулхаир хан спрашивает у Жанибека:

– Почему люди говорят обо мне плохо?
– Удел ханов – делать хорошее, а слышать – плохое! – отвечает Жанибек.

Хан Абулхаир, потерпев сокрушительное поражение от джунгар, со своими тридцатью приближенными прибывает в аул батыра Жанибека. И во время беседы, и за дастарханом хан

не перестает повторять слова «пропали», «теперь нам смерть». И тогда батыр, не выдержав, говорит:

– Хан не должен думать о смерти, он должен думать о жизни!

Трусоватый по натуре, никогда не державший в руках оружия зять Жанибека как-то спрашивает у батыра:

– Скажи, тесть, кто самый хороший человек в нашем ауле? Все-таки, наверно, я! Слава Всевышнему, и скотом, и богатством не обделен.

– Зятек, ваш разговор вполне уместен, да и вопрос к месту. В нашем ауле тот хорош, кто совершенно на вас не похож.

Говорят, зятю стало очень стыдно за свой столь неуместный и глупый вопрос.

Жанибек собирался в боевой поход на калмыков. Один из аксакалов аула, благословляя батыра, говорит:

– Сынок, береги себя!

На что Жанибек резко отвечает:

– Ата, ты бы лучше наказал, чтобы я поберег своих товарищей!

В ауле Жанибека проводился той. В нем принимал участие и батыр Есет из рода Тама. В самый разгар праздника появляется гонец – старый Есбол, который добирался целых тринадцать дней, и говорит, что аул батыра подвергся нападению торгоаутов. Жигиты Есета начинают спешно собираться. В это время один из них, надоедая, спрашивает у старика Есбола:

– А сколько их?

– Эй, никогда не спрашивай, сколько врагов! Лучше бы ты спросил, где он, враг?

В другой раз перед боем с калмыками один из сарбазов, пытаясь придать воинам дух, говорит:

– Львы, помните, в бой нас ведет сам бесстрашный вожак Жанибек! Не смейте бояться врага!

Батыр, тут же подхватив, добавляет:

– Помните, и калмыки не трусливые зайцы!
С кличем «Шакшак! Шакшак!» увлекает своих сарбазов вперед в атаку на смертельную схватку с врагом.

Во время одного из боевых походов Жанибек начинает страдать от бессонницы. Не находя себе места, он бодрствует ночами: проверяет караулы, поднимается на холм, тревожно прислушивается к ночным звукам и шорохам, всматривается в ночную тьму в ожидании врага. Кроме этого, спозаранок будит жигитов и заставляет их тренироваться, готовиться к предстоящему бою. И как раз рано утром враги решили захватить казахов врасплох. Бодрствующие с раннего утра казахские сарбазы были готовы к любым неожиданностям. Они дают им достойный отпор. По завершении боя батыр Богенбай спрашивает у Жанибека:

– Слушай, батыр Жанибек, как ты узнал, что враг нападет рано утром?

– Если бы знал, что враг будет спокойно спать, то и я бы расслабился, – отвечает Жанибек.

Как правило, между близкими родственниками часто происходят ссоры, обиды, недопонимание. Если у тебя все благополучно – видеть не могут, плохо – на тебя наговаривают. От этого пострадало немало людей. Подобные случаи происходили и в ауле батыра Жанибека.

Как-то один из родственников батыра заявил с обидой, что уедет к нагаши. На что Жанибек говорит:

– Голубчик, голову Жанибека не смогла снести даже калмыцкая сабля, а уж казахской хитрости тем более не снести ее. Если захотел опоры, защиты, уважения и заботы лучше моей, то можешь уходить, я тебя не держу, скатертью дорога!

Говорят, пристыженный родственник после этих слов забыл о своем намерении покинуть родной аул и впредь при Жанибеке никогда не упоминал о нагаши.

Как говорится, «слово камень дробит, если не камень, то голову». Оказывается, и в словесном состязании батыр Жанибек многих клал на лопатки. Батыру по душе был один мудрый рассказ.

– В незапамятные времена жил некий царь. После своей смерти он велел написать на могильной плите следующие слова: «Я велел закопать в могилу вместе со мной очень много денег. Путник, отрой и возьми их себе».

Многие, поверив этим словам, начинали копать и натыкались на гроб с надписью: «Запомни, никто ничего не берет с собой на тот свет».

Оказывается, шутливый по натуре батыр не уставал повторять эту притчу даже во время тяжелых боевых походов.

Известно, что в военное время воины старались экономить и по возможности дольше сохранять свой провиант, взятый ими в дорогу. В этих случаях обычно батыр говорил: «Не растягивайте свои желудки, увлекаясь курткоже*, оставьте место и мясу. Услышав это, сарбазы думают, что теперь им придется полакомиться мясом, и стараются поменьше есть коже с куртом.

Мастерство оратора Жанибека проявлялось много раз во время войны.

Война между казахами и джунгарами, длившаяся в течение одного века, в народе называлась казахско-калмыцкой войной. Как говорят, «душа покидает тело в самый тяжелый момент», именно в такое смертельно опасное для народа время, время между жизнью и смертью, и появились на устах людей имена славных казахских батыров, знаменитых биев, мудрых ханов.

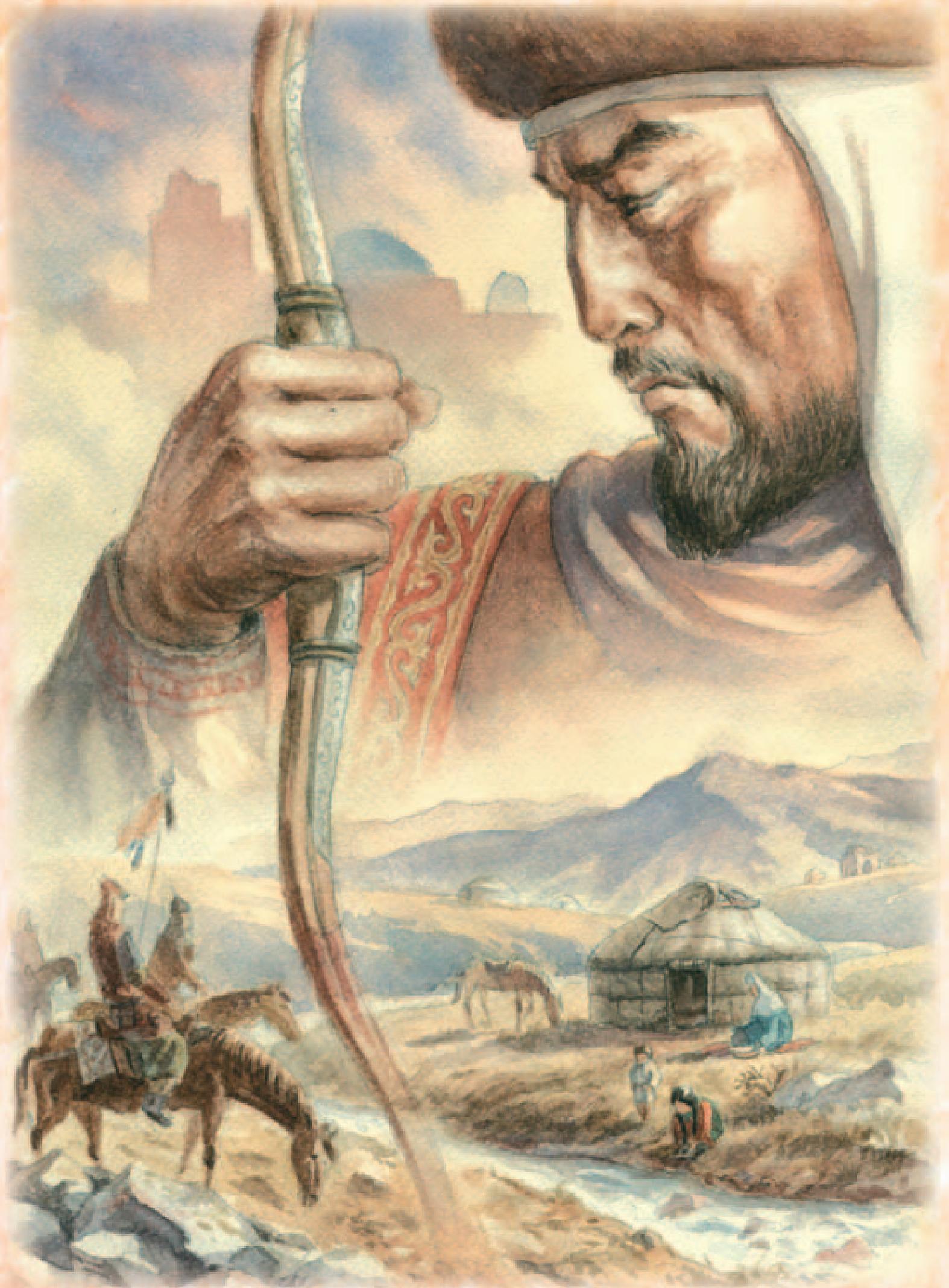
Именно в такое время жил батыр и оратор Жанибек. Народ хранит его меткие изречения в своей памяти. Чаще всего их можно услышать там, где собираются аксакалы.

*Курткоже – курт – казахский национальный продукт питания в виде высушенного творога, коже – каша.

Послесловие

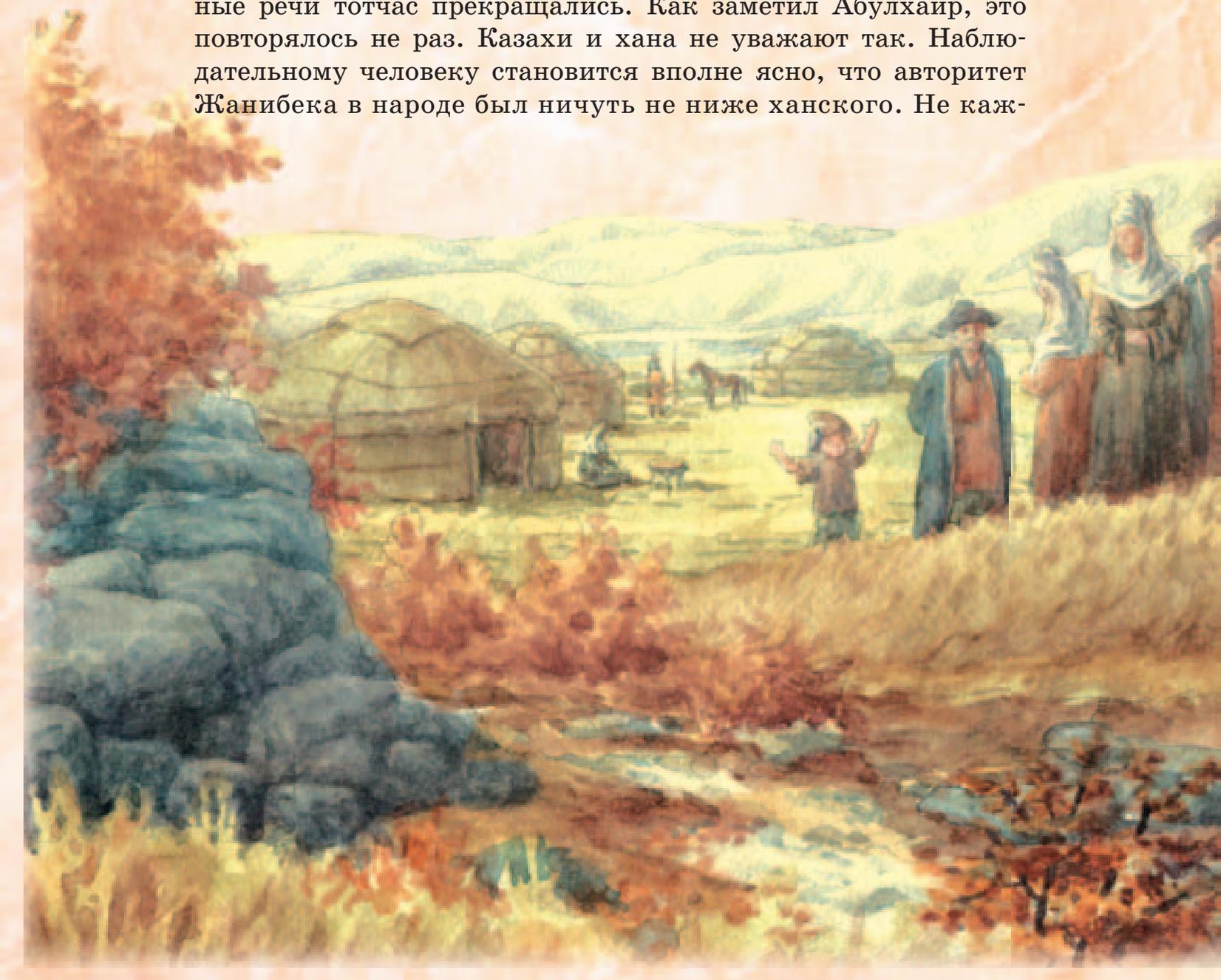
Жанибек Тархан был критичным человеком. Он, как никто другой, умел разбираться в людях, ценить их и уважать. Сколькими бы он ни обладал званиями и почестями, никогда не позволял себе становиться впереди старших себя по возрасту, тем более унижать их достоинство и честь. Когда у Жанибека спрашивали, чей подвиг он считает самым весомым из известных ему людей, батыр отвечал: «И в прошлом, и в настоящем не было батыра отважнее Кабанбая. Кабанбай был вещей батыр, не от мира сего. Даже когда шел один, в нем ощущалась мощь четырехсот-пятисот людей. Когда Кабанбай, словно туча, налетал на врага, то вражеские ряды тотчас ломались и начинали зиять пустотой, словно некие двери, распахнутые перед ним».

«Абулхаир заметил одно – люди, подданные Жанибека, все до единого были словоохотливыми. Даже у самых замкнутых в азарте начинали раздуваться ноздри, шевелиться губы. Но они не имели привычку прерывать говорящего человека. Но, когда им предоставлялось слово, тут же начинали с охотой говорить. Слова их журчали, словно родниковая вода. Этих качеств не было только у Жанибека. Он не заводился, как другие, а говорил спокойно, будто взвешивая каждое свое слово. Раскрытие его рта означало то же, что и лассо в руках опытного джигита. Сказанное им слово напоминало удар бича, тотчас обрывающий любой несуразный, строптивый разговор. Его медлительность, степенность были обманчивы, видимо, он все предварительно взвешивал, а затем уже говорил и действовал наверняка. Видимо, этим сдержанным спокойным характером и объясняется тот факт, что люди при виде его усмирялись, выказывая свое уважение к его персоне, становились послушными и кроткими, словно ученик перед своим учителем. Мало ли наделенных недюжинной силой, но обделенных умом, вместо слов попусту

изрыгающих грозный львиный рев недалеких батыров? Люди хоть и были вынуждены ломаться перед такими в поклоне, однако за глаза они тыкали вслед и говорили нелестное. Недалекий умом батыр, пыжащийся в славе своих побед, порой пытается поступить и с народом так же, как недавно со своим врагом, но подобное зазнайство оканчивается плачевно: обычно люди разбегаются от него. Ну, а возле Жанибека и в тяжкую военную годину, и в безмятежное мирное время не переставали собираться люди. В присутствии батыра они зачастую вели себя молчаливо, а в стороне были словоохотливы. Что интересно, из их столь словоохотливых уст никогда не слышалось плохое о Жанибеке, наоборот, люди говорили о нем только хорошее.

При появлении самого батыра подобные лестные и хвалебные речи тотчас прекращались. Как заметил Абулхаир, это повторялось не раз. Казахи и хана не уважают так. Наблюдательному человеку становится вполне ясно, что авторитет Жанибека в народе был ничуть не ниже ханского. Не каж-

дый хан, не каждый султан был одарен
Всевышним подобным согласием,
единством, дисциплиной, тор-
жеством, царящими среди
людей Жанибека. Види-
мо, эти люди довольны,
искренне счастливы
в своей радости

и торжествуют, что именно из их среды вышел такой смелый и мудрый человек. Они почитают его как родного отца, хотят ему того же, что желают родному сыну. Каждый из них готов пожертвовать собой ради единственно дорогого для них человека. Видимо, именно о таких, как Жанибек, сказано «хан из черни». Что же это получается? Неужели для казаха более почитаем хан из черни, чем из голубых кровей!? Никто не собирается противиться ему. Вокруг не видно и злопыхателей, да завистников. Народ, кажется, все видит, все понимает без каких-либо наставлений и назиданий. Он очень удивлен столь разумными, понятливыми людьми. Здешний люд, оказывается, весьма почитает его как истинного батыра за отвагу, но и в то же время в них чувствуется и какая-то жалость к Жанибеку. Видя все это, Абулхаир погрузился, словно от какой-то обиды, с любопытством и в то же время с завистью украдкой посмотрел на своего молчаливого спутника, сидящего рядом...»*

По казахской традиции батыр Жанибек имел много жен. Старшая его жена была дочерью высокопоставленного Турсынбая Шанышкалы. От нее он имел двух сыновей: Даутбая и Жаукашара. Вторая жена Алшын приходилась дочерью мудрому Айтеке би. Детей от нее он не имел.

Третья жена-калмычка досталась ему в качестве «добычи». Это была смуглая, с грустными, черными, как смоль, глазами, писаная красавица с гибкой точеной талией лет пятнадцати – шестнадцати. Выйдя из аула Толе-би, он направился в Туркестан, чтобы поклониться святым мощам и на обратном пути забрал с собой девушку-калмычку. Жанибек приглядел эту красавицу, когда возвращался с Аныракайской битвы. Рожденного от нее сына-первенца нарек в честь пророка и своих праведных поступков именем Акмухаммед. Позже его стали называть Акпамбетом. После него на свет появились Токмухаммед (Токпамбет) и Дерипсалы.

Когда Жанибек достиг средних лет, следуя законам шариата, он взял четвертую жену. Это была дочь батыра Косыма из

*Отрывок из романа Абиша Кекильбаева «Алан-Елен» («Сумерки»).

рода Керей. Сын, родившийся от нее, по имени Токтамыс и наследует очаг Жанибека Тархана.

Токтамыс был человеком не только богатым, но и весьма щедрым. Итак, у батыра было шесть сыновей. Каждый из них дал имя отдельным династиям, родам, известным и ныне. Старший сын Даутбай был известен своей отвагой и подвигами во имя народа. Был надежным спутником хана Абылая, не раз совершал подвиги в битве с волжскими и джунгарскими калмыками, ни разу не уронил славу своего отца. Позже и Даутбай был удостоен высокого воинского звания – Тархан.

Оказывается, Жаукашар был страстным любителем лошадей. Как-то отец Жанибек подарил ему скакуна и сказал: «Имя твоё может прославить конь». Слова батыра оказались пророческими. Жеребенок той лошади позднее стал известным скакуном Жаукашара по кличке Гнедой, постоянно занимал первые места в конных состязаниях. Поговаривают, что потомки этого скакуна до сих пор участвуют в скачках.

Ну, а Акпамбет и Токпамбет еще с детских лет редко садились на коня и редко держали в руках оружие.

Обращаясь к ним, батыр говорил:

– Ой, вы молодцы, суждено было вам родиться щитом для казаха, палицей для калмыка! Если судьбе угодно, то именно вам выпадет честь мирить хана с простым человеком. К сожалению, оба батыра умерли в молодые годы.

Кроме сыновей у Жанибека была и единственная дочь по имени Дильда. Ее он выдал замуж за Карасая, сына Бораншы, выходца из рода Канжыгалы. Бораншы являлся самым близким родственником батыра Богенбая – современника Жанибека, к тому же он был знаменитым в народе бием. Поверив слухам, Дильда посчитала мужа для себя недостаточно богатым.

И тогда Жанибек сказал дочери:

– Доченька, бай состоятелен лишь до первого джута, батыр жив до первой пули. Ну, а только одно благоволение Бораншы благодетельствует живущих за шестью холмами. Не может человек, рожденный бием, быть обделен счастьем и достатком. Не прислушивайся к сплетням, не проклинай свое будущее.

Да, вся жизнь Жанибека, рожденного быть щитом для казаха, палицей для калмыка, до последних дней прошла в нелегкой борьбе. И потомки батыра оказались достойными славного имени своего отца, честно следуя традициям своих предков.

Один из трех известных личностей позапрошлого века Ыбрай Алтынсарин – внучатый племянник Жанибека Тархана. Ахмет Байтурсынулы и Миржакип Дулатов – потомки батыра. Если в прошлом потомки Жанибека были знаменитыми биями, то в наше время они государственные деятели, большие ученые, писатели. В целом, из Аргынов Тургайского региона вышло немало батыров. Своими славными подвигами они были известны не только среди своих сородичей, но и всему казахскому народу. Батыры: Аманжол, Шакшак, Жанибек, Даутбай, Шеген – все они были настоящими защитниками своего народа. Известно, что у каждого казахского рода был свой боевой клич. У Торгайских аргынов, как мы уже упоминали выше, таковым являлся клич «Аманжол!» Он изменился лишь при Жанибеке Тархане, внуке Шакшака. Так как батыр бросался в бой с врагом только с кличем «Шакшак!» И эта традиция без каких-либо изменений дошла до начала двадцатого века.

Да сохраняются вечным наследием в памяти народной подвиги, дошедшие от предков к отцам, от отцов к сыновьям! Пусть нас оберегает и воодушевляет дух предков, таких великих в своих деяниях, мудрых, отважных, острых на язык батыров, как Жанибек Тархан!

Жанибек Тархан, вобравший в себя все положительные качества своего народа, сумевший стать надежным оружием против врагов, проживший жизнь, полную подвигов, истинный сын степи, умер весной 1752 года на пятьдесят девятом году жизни в Торгае. Его любимый сын Акпамбет доставил тело батыра из Торгая в Туркестан и похоронил отца под сенью купола мечети Ходжи Ахмеда Ясави.

Нет сомнения в том, что имя одного из
славных батыров, проявивших смелость и
беспримерную отвагу в период казахско-
калмыцкой войны, батыра Жанибека,
навечно будет храниться в памяти казах-
ского народа и бережно передаваться из по-
коления в поколение.

Уважаемые читатели!

Книги серии «Знаменитые люди Востока» знакомят детей с людьми, чьи деяния до сего времени не были достойно отражены в детской художественной литературе. Они охватывают крупные исторические события, судьбоносные сражения, межгосударственные отношения, деятельность великих исторических личностей, каганов, батыров и ученых. Книги этой серии помогут развить в детях чувство патриотизма и гордости за свою Родину, поведают им о делах их великих предков.

Руководители издательского проекта и ответственные за выпуск

К. Раимбеков, Б. Иманалиев

Автор

Ш. Кумисбайулы

Научный консультант

*Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан,
член союза журналистов Казахстана С. Шукирулы*

Перевод

М. Тнимова

Художник

Д. Кастеев

Главный редактор

К. Байгабулова

Художественный редактор

Е. Козлова

Редактор

Л. Антохина

Корректор

О. Боровая

*Казахстан, 480091, г. Алматы, ул. Чайковского, 190/184, офис 23
Тел./факс: (3272) 728 411, 728 421*

*По вопросам оптовой продажи обращаться в торговый отдел
издательства «Аруна». Тел./факс: (3272) 728 411, 728 421
E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

*Эту и другие книги издательства Вы можете приобрести книга-почтой,
отправив заказ на наш электронный адрес: E-mail: aruna_ltd@mail.ru*

*Формат 60x90 1/8. Бумага мелованная. Гарнитура «Школьная»
Усл. печ. л. 13,45. Уч.-изд.л. 17. Тираж 10 000 экз. Заказ №2243
Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация «Атамұра»
Республики Казахстан, 050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41*

Дизайнцентр издательства «Аруна»

А. Романова